

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

АНТИШУЛЕР

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Антишулер

«Автор»

2013

Самаров С. В.

Антишулер / С. В. Самаров — «Автор», 2013 — (Спецназ ГРУ)

Шурик Высоцкий работает в казино антишулером – вычисляет нечистых на руку картежников. Однажды он выигрывает крупную сумму денег у криминального авторитета Рамазана. И с этого момента размеренной жизни Шурика приходит конец: его настойчиво пытаются убить. Антишулер смекает, что последнее место, где его станут искать, – зона боевых действий на Северном Кавказе, и отправляется служить по контракту в Чечню в составе отряда спецназа ГРУ. Там он сразу находит применение своему таланту «каталы», но сначала использует его только в меркантильных интересах. Однако в один прекрасный момент все меняется: Шурик попадает в нешуточную передрагу, и теперь от его умения играть зависит, будут ли его сослуживцы жить...

© Самаров С. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1	5
2	11
3	19
4	27
5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров

Антишулер

1

Долгий привал устроили на берегу небольшой, но бурной и шумной речки, втиснутой в каменистые берега. Из-за этого шума мы и попались на самом рассвете, когда только настроились отдохнуть. Глупо, конечно... Вода шумела слишком громко. Часовой не услышал, как бандиты подобрались вплотную и обложили нас с двух сторон. С третьей – река, в которой даже пьяный слон купаться не рискнет – побоится, что волной смоем. А с четвертой – отвесные скалы, не перепрыгнешь, будь ты хоть трижды кенгуру. Ночью никто из нас не ложился. Не до того было. А как только под утро устроились чуть-чуть вздремнуть – влипли по полной программе. Да так все быстро произошло, что никто и сопротивления оказать не успел. Я-то отделался легче всех – едва успел раскрыть глаза, как получил прикладом в лоб. И тут же благоразумно, хотя и вынужденно, закрыл их. А когда снова открыл, облегчения не наступило. Лейтенанту Костикову, который только заступил на пост, в двух шагах от меня отрезали голову, и снимали это на видео. Правда, сначала его подстрелили. Я увидел потом, когда меня подняли на ноги, что пуля вошла ему в глаз. Четверых не просто перестреляли – исполосовали длинными очередями, как тесаками. Оставили в живых только меня, да и то лишь потому, что, похоже, не поняли расклад. Долго обсуждали что-то на своем языке. Я по-местному не «шпрехаю», но по жестам суть разговора уловил. Ихний командир с физиономией говорящей гориллы склонился надо мной.

– Кто твой папа?

– Насколько я помню, человек, – ответил я с гордостью, проявленной откровенно не вовремя, и получил сильный пинок в грудь. Ребра, как ни странно, выдержали.

Я понимаю, пнул бы, скажи я, что мой отец инопланетянин. Но я же правду сказал. А мне, как всегда, не поверили. Давно пора к этому недоверию привыкнуть, мне с самого детства не верят, когда я правду говорю, а никак не могу. Естественное чувство справедливости не позволяет.

Прокашлявшись после удара, я сообразил, что они считают меня каким-то «сыном», что со мной уже случалось в разных ситуациях. А это в ситуации данной «светит» бандитам возможностью заработать. Такого эти вахлаки не упускают. Сомнения их понятны и одноглазой камбале – пять вооруженных до зубов офицеров спецназа, опытные разведчики, выводят солдата с гор на равнину. А солдат без оружия. Офицеры, потаскавшиеся по кавказским горам, оборванные, штаны если уж не в заплатках, то многократно прошиты по швам дополнительной ручной строчкой. А солдат одет «с иголочки», хоть сейчас по телевизору показывай. Это и ввело их в заблуждение.

Лежать застывшим трупом здесь, на берегу реки, совсем не интересно. Это я быстро сообразил. Сообразил также, что имею возможность остаться в живых. Надо только правильно сориентироваться.

– Еще раз, мудака, спрашиваю – кто твой папа?

Серьезный командир. Особенно внешне. Я и не думал, что люди бывают такими волосатыми. Из распахнутого ворота какой-то странной, импортной наверняка, камуфлированной куртки видно, что борода, начинаясь там, где ей положено, неестественным образом переходит в дикие волосяные джунгли на груди. И, очевидно, доходит до пяток. Если такому человеку начать брить хотя бы бороду, то нужно соскребать поросль как минимум до пояса. И не менее трех раз в сутки перед приемом пищи, иначе совсем зарастет. Зато зимой тепло.

Но новые пинки «висели» надо мной. Я с перепугу не нашел, что ответить, потому что не знал, кем себя назвать для абсолютной гарантии выживания. Мелькнула мысль, что если еще поломаться, то можно, с одной стороны, набить цену, с другой, попытаться разобраться в ситуации, но, с третьей, получить еще несколько не слишком приятных пинков. А башмаки у этого тупого громилы тяжеленные!

– Зачем тебя, салабон, пять офицер провожал? Говори! Куда они тебя вел? Ну, еще хочешь? Фамилия как?

Вот присосался, волосатая пиявка.

И ногу занес для очередного пинка.

– Рядовой Высоцкий, – я умолчал, что рядовой контрактной службы. Контрактников, то есть добровольцев, они не сильно жалуют. Так же, как и мы их наемников из разных стран. Очевидно, есть за что. А если и нет, то контрактники – это профессионалы, хорошо умеющие убивать бандитов. Лучше, чем простые солдаты-срочники.

– Как?

– Вы-соц-кий.

Они переглянулись, соображая. Презрительно скривили бородатые рожи. Я вспомнил, что являюсь однофамильцем недавнего главкома военно-морских сил. Хотя сейчас этого адмирала и отправили в отставку, тем не менее... Документы у меня при себе, хотя они, к сожалению, о родстве не говорят. Только о фамилии. Но и это может сработать. По крайней мере есть надежда, что сразу не пристрелят – попробуют стрясти выкуп с адмирала. Тем более что и отчество соответствует. Я – Владимирович. За сына певца и актера, того самого, я себя выдавать не собирался. Не тот вариант для этой местности, да и возраст не подходит. Разве что во внуки сгодился бы, но тогда при чем здесь отчество? Да их это и не впечатлит.

– Не слышал такого... – сказал волосатик и вопросительно оглянулся на своих подельников.

Откуда тебе, дураку, слышать! Вы, горные и лесные бандиты, своего военного флота пока еще, слава богу, не имеете. В Дагестане, конечно, имеется свой берег Каспия, но вот флота бандитам никто не предоставлял. А в местных речках флот не удержишь – течением даже железобетонный киль о камни обломает.

– Скажи, зачем пять офицер тебя охранял? – нога поднялась для следующего удара.

– Ладно, Джамшет, ты его прибьешь. А за него, может, хорошие деньги дадут. Чувствую это, клянусь здоровьем покойной бабушки. Пойдем быстрее, на базе его допросят как следует... – сказал кто-то со стороны. Карманы убитых, как и мои, были вывернуты, и больше бандитов здесь ничто не удерживало. Да и опасно надолго оставаться рядом с только что уничтоженной группой. Может, она здесь встречи ждала...

– Башмакиними... – приказал мне волосатик.

– Куда они тебе? – засмеялся над ним жердеобразный бандит с вампирскими клыками. Это он, погань некрещеная, голову Костику отрезал. Но сейчас он вроде как мне если уж не «на руку», то «на ногу» играет. Отчего я, впрочем, не начинаю его любить. – Пара на одну ногу не налезет...

– Сыну как раз будут. Хорошие башмаки. Совсем новые. Да на нем все новое... Ладно. Потом, когда расстреляю, все сниму. Или даже перед расстрелом. Иди... – ткнул он меня в шею стволом автомата. Больно, зараза, ткнул. Даже больше, чем прикладом. Чуть в сонную артерию не угодил.

Я быстро сообразил. Перспектива идти по снегу босиком прельщала мало. И потому поднялся с удовольствием. Но традиционный профилактический пинок все же получил. Как без этого? Без этого бандиты не могут. Применяя силу, они презрением к пленным подпитываются и свою власть явственнее чувствуют. Но не задумываются, что власть порой меняется.

Через полтора часа пути, когда уже совсем рассвело, мы пришли к большому дому на берегу все той же реки. Зачем плутали по ущельям – непонятно. Может, дозором ходили? Может, запутать меня хотели, чтобы дорогу не запомнил? Это на случай, если я на свободу вырвусь. Хрен вам! Этот номер со мной не пройдет. Я помню, что здесь раньше была туристическая база. Сам отметки на карту наносил – предполагаемое место дислокации штаба группировки в предстоящей вскоре совместной операции армии и сил правопорядка. Вот как это называлось. И пути возможного подхода помню. И отхода, кстати, тоже – если сумею «отойти». Тогда, глядя в карту, я представлял, как выглядит эта база. Но сейчас в дом меня, естественно, не повели. Решили, очевидно, что это не экскурсия. Отвели на задний двор, где собраны служебные помещения. Между двумя каменными сараями – промежуток. Там подняли с земли деревянный настил – и опять дали пинка.

– Спускайся.

Традиционная яма для пленных. Внизу люди. Лестницы нет. Высота около трех метров. Только я собрался прыгнуть, выбирая место для приземления, как получил удар прикладом в хребет и просто упал. На чьи-то плечи. Руками за края ямы при падении притормозил, себе ноги не переломал, но нижнему досталось. Он даже взвыл от боли. Оказалось, парень ранен, и я задел его при приземлении.

– Извини, браток, – поднимаясь, я осторожно положил ему руку на плечо. Второе плечо было забинтовано. – Не по своей, понимаешь, воле...

Крышка захлопнулась. Но настил был сколочен кое-как из горбыля, и щели остались достаточно большие. Свет сверху проникает свободно. Если пойдет снег или дождь – будет мокро. В дождливую погоду в этой яме только плаванью учиться. От стены до стены...

– Кто такой? – спросил брезгливый густой баритон. Барственный и сразу обозначающий, что он – местная власть. Власть в этой поганой яме. По голосу – так и власть поганая.

Сама яма – три на три метра. Я обернулся, как на черта, через левое плечо. Только что плюнуть трижды не решился. В углу на свернутом солдатском бушлате сидел здоровенный толстый майор внутренних войск с одним погоном. Под глазами майора светились аккуратные симметричные синяки. Били ему, должно быть, в лоб, и опухоль сползла на глаза. Мне тоже в лоб прикладом саданули. Не дай бог превратиться в такого же. Впрочем, лоб у меня крепкий.

– Рядовой контрактной службы Высоцкий.

Здесь «сынка» из себя разыгрывать не стоит. Здесь тоже знают военно-морского командующего не лучше, чем бандиты. Если только среди пленных нет морских пехотинцев. Но они дислоцируются значительно южнее, почти на границе с Грузией, и еще держат перевалы на пути в Чечню. Я стал присматривать место, куда сесть, и попытался примоститься у стены рядом с двумя солдатами.

– Встать, когда с офицером разговариваешь... – пьяной жабой рывкнул майор, поднимаясь.

Однако веса в нем не меньше центнера. И физиономия соответствующая – бей, не промахнешься, а если промахнешься ты, то не промахнется он. Я бы не промахнулся, несмотря на то что во мне веса чуть больше семидесяти килограммов, но армейская дисциплина сковала. Привычка хренова! И потому встал, всматриваясь в его лицо и пытаюсь понять намерения. У нас в отряде спецназа ГРУ офицеры так с солдатами не разговаривают. Они с ними в бой ходят и потому уважают. Давно заметил: обычно, кто с солдатами в бой ходит, сам солдатом становится. Мыслит по-солдатски и живет без подлостей в душе.

В яме сидели еще четверо. Солдаты-армейцы. Внутривойсковиков нет. Трое ранены. Они испуганно молчали. Похоже, майор затерроризировал пацанов. Ладно, надо присмотреться – что дальше будет? Сразу тоже не следует на рожон лезть.

– Откуда такой? – спросил майор. – Какая часть?

– Извините, товарищ майор, я не знаю, кто вы такой, и потому не имею права отвечать на ваши вопросы. Тем более вы представляете внутренние войска, а я – армию. Это разные вещи...

– Чего? – От моей наглости майор просто обалдел.

Я сразу прикинул, что он, вероятно, раньше где-то на «зоне» служил – то есть по нынешним временам представляет, наверное, министерство юстиции и здесь пытается установить «зоновские» порядки. Волчару из себя разыгрывает. Авторитета. Если сейчас попытается ударить, надо сразу бить в ответ, и как можно жестче, чтобы сломать его полностью, иначе ночью придушить может. А от бессонницы я не страдаю, тем более предыдущую ночь почти не спал, а только прилег – ударом в лоб разбудили бандиты.

Майор сделал шаг ко мне. Отступать некуда, яма слишком невелика по размеру, только четверть стандартного ринга. Тяжелый взгляд уперся в меня, как бульдозер в кучу мусора, и, несомненно, с тем же настроением, какое бывает у бульдозера – смести и раздавить. Я чуть пошевелил расслабленным локтем, представляя, как рубану им майору по челюсти – с жестким круговым движением согнутой руки и одновременной «доводкой» удара плечом.

Но не успели ни майор, ни я. Послышались шаги наверху, закрипел, прогибаясь под собственным весом, настил. Один человек приподнял его, второй бросил вниз две лепешки.

– Жратва вам прибыл. Быстро давай-давай... Готовьтесь. Командир приехал. Скоро допрашивать будет. Скажет, кого просто стрелять, кого до смерти бить.

Перспектива не самая веселая. Но момент был такой, что о перспективе никто не думал. Майор поднял лепешки, прикинул на глаз – которая побольше, одну сразу забрал себе. Вторую бросил, как кость собаке, солдату в противоположном углу. И отвернулся, уверенный в себе и в своем праве. Солдат с голодной болью в глазах осмотрелся и принялся осторожно рвать лепешку на пять частей. Я понял, что так здесь происходит дележка. Тут же, без раздумий сработала реакция, и я ударил майора со спины с разворотом ногой в печень. Для подобного удара места едва-едва хватило, пришлось даже руками о сырую и скользкую стену опереться. Вообще-то я доску-сороковку запросто этим ударом переламываю. Слой жира на майорской пояснице – тем более пробью. А удар, нанесенный в гнев, обычно бывает намного сильнее обычного удара. Со мной бывают такие вспышки. Сделаю что-то на эмоциях, без раздумий, а потом каюсь. Майор упал молча. Даже не сообразил, похоже, отчего потерял сознание. А я уже пожалел о поступке – если начал, то надо бы по-доброму добить его, чтобы потом самому в живых остаться. Один удар каблуком в шейный позвонок, и он уже не встанет. И не спасут жировые отложения. Но так я не могу. Уже два месяца на войне, самой настоящей, хотя и называется контртеррористической операцией, а добивать лежащего не научился. Более того, я еще и в бандита-то выстрелить не успел и потому только поднял майорскую лепешку и разделил ее на пять частей. Точно так же, как солдат в углу разделил первую. Каждому по куску. Кроме майора...

* * *

Опять закрипел настил. Стали спускать лестницу. Даже не лестницу, а трап. На длинную доску набиты редкие поперечины. Быстро не поднимешься. И только по одному. Но, надо сказать, трап опустили вовремя, потому что майор, побряхтев, уже встал на четвереньки. Мне хотелось еще раз садануть его ногой по печени – стоял он удобно, но это может привести к непредсказуемым последствиям. Бандиты смотрели сверху пристально. Каждый – тремя глазами – два обычных, плюс глаз автоматного ствола.

– Хватит челюстями клецать. Вылазь по одному, обжоры, – раздалась команда.

Им, похоже, кажется, что мы переедаем. Диетологи хреновы!

Я первым полез по трапу. Как самый бодрый в команде. За мной, со стонами, солдаты. С трудом, но выполз и майор. Лестница под его тяжелым телом готова была сломаться. Не похоже, чтобы он сильно отощал за время плена.

Нас выстроили в колонну, для профилактики каждому ткнули пару раз стволом автомата по ребрам – больно – и погнали на передний двор. Впрочем, погнали не слишком быстро. Там перестроили в шеренгу.

– Ждите, падлы вонючие, здесь. Командир с гостями обедает. А то аппетит ему испортите, прикажет сразу расстрелять.

Насчет вонючести он прав. Туалет в яме находился в одном из углов. Запах оттуда прочно впитался в солдатиков и в майора. В меня еще не успел.

Во дворе стояли четыре «Нивы» и «Гранд Чероки». В разных местах расположилось с десяток бандитов и пара настоящих негров. Наемники из африканских мусульманских стран. Тощие и голодные. Приехали сюда на заработки. Хотя вовсе и не обязательно негры должны быть из Африки. На прошлой неделе наши разведчики, те самые, которых убили при мне, прихватили одного такого чернявого и неумытого. До штаба дотащили. Оказалось, по паспорту хохол. Сын какого-то бывшего киевского студента. И по-ихнему «баит гарно».

Мы стояли во дворе. Нас даже не рассматривали. Я, как покинувший яму первым, на левом фланге. Майор – на противоположном.

– Ты... – прошипел он мне. Ощущение такое, что звук исходит у него из живота. – Ты – покойник...

Интересно, как он догадался, что это я его вырубил? Не иначе, сдал кто-то из тех, что последними выбирались из ямы. Ребятки внутривойсковиком запуганы, могли и сдать. Все-таки офицер...

– Не бойся, – шепнул сержант, стоящий рядом со мной. У сержанта изможденный вид и самая изорванная одежда, хотя он и не ранен. Должно быть, дольше всех в плену. – Мы тебя, в случае чего, поддержим. Этот майор уже у всех в печенках сидит. Была б моя воля, таких в унитазе топил при рождении.

– Что там шепчетесь, с-суки... – майор повысил голос. – Мою лепешку сожрали...

Вот, оказывается, в чем дело. Он так и не понял, почему упал. Его волнует вопрос съеденной лепешки.

– Если ты не заглохнешь, – ответил я спокойно, стараясь не привлекать к себе внимания бандитов, – то скоро вообще аппетит потеряешь. Вместе с зубами его из тебя выбью. Обещаю...

Майор неожиданно проникся и заткнулся. Скорее всего от удивления.

Мы молча стояли около четырех часов. Ждали. Устали стоять и ждать. Особенно раненые солдатики. Хотя и светило кавказское солнце, но было холодно. Приходилось переминаться с ноги на ногу. Охрана уже не слишком пристально за нами наблюдала. Охранники сами устали. Знать бы точно, что хоть в одной из машин есть ключи, можно было бы что-то придумать.

– Тебя как взяли-то? – спросил сержант.

– По дурости... Часовой проспал, всех перестреляли, а меня схватили.

– Тебе легче, ты хоть не по собственному желанию... – он вздохнул, и во вздохе этом отчетливо прозвучали отчаяние и обида. – А нас баба в «зеленку» заманила. Трех. Баба-то вроде не местная, славянка. То ли хохлушка, то ли белоруска. Акцент какой-то такой... Двоих сразу убили, а меня схватили. И с бабой тут же расплатились. По сто баксов ей за каждого. Зарабатывает так, паскуда... И с нас по сто рублей содрала... Эх, были бы с собой автоматы...

– А меня на «губу» отправили. Без оружия, – сознался я. – У нас в штабе держать арестованных негде – в скалах яму, как здесь, без отбойного молотка не выкопаешь, вот и отправили с разведчиками. И попались... И автоматы им не помогли...

Сержант посмотрел на меня чуть не с осуждением. Непонятно только, за что ему меня осуждать.

– За что тебя?

– Прапорщика в карты «обул». На обмундирование для всего своего взвода.

Он усмехнулся. Не поверил. Впрочем, я не обижаюсь. Мне тоже не поверили, когда в штабе допрашивали. Прапорщик Василенко – мудака, известный всему полку, – «в отказ» пошел, сказал, что мы самовольно обмундирование взяли. То бишь украли. Лично я не увидел бы в этом ничего плохого, все равно больше, чем сам прапорщик, украсть трудно, но обидела наглая ложь – не брали мы.

– Тебя как зовут-то?

– Шурик.

– Я – Виктор. Львов – фамилия. Ты где служил?

– В штабе сводного отряда спецназа ГРУ. Планшетистом.

– Это что такое?

– Карты для войск готовили.

– Игральные?

Я понял, что сержант пошутил. Не выбили у него в плену чувство юмора. С ним и подружиться можно. Люди с юмором обычно не бывают плохими парнями...

2

На крыльцо вышел знакомый командир отряда, который захватил нас. За несколько часов он, кажется, еще сильнее стал похож на гориллу. Теперь борода, казалось, начала расти вверх и дошла уже до глаз. Шапку он не снимает, но мне почему-то кажется, что под шапкой должна быть замечательно-скользкая лысина, с которой блохам весело кататься. Смотрит на меня красными глазами. Не иначе, надумал-таки отобрать новые, честно выигранные башмаки. Это плохо. Босой ногой майора пришибить будет трудно. Каблук, что ни говори, гораздо жестче пятки. И самой ноге не так больно при ударе бывает. Я пятку отшибал о доску, знаю эти ощущения. А у некоторых людей лоб крепче доски будет. И это тоже пришлось проверить. Еще на «гражданке».

Следом за волосатым вышли и часовые.

– Быстро. Давай-давай...

Повели нас через веранду в дом, по длинным и просторным коридорам, до конца, потом направо. За одной из дверей, мимо которых мы проходили, послышался женский голос, измученный, стонущий:

– Не могу я больше, не могу, отстаньте от меня...

Голос чисто русский, без акцента.

– Терпи, тебя еще негры не попробовали, – в мужском голосе с акцентом слышалась жестокая насмешка.

Женщина застонала в голос.

Нас привели в угловую комнату. Здесь был накрыт длинный стол, за которым вальяжно сидели шестеро. Уже напились и нажрались, сволочи. Морды довольные, сальные. Нет, чтобы по-человечески нас пригласить отобедать. Или хотя бы одних солдатиков. Майор и без того на три года вперед откормлен.

Двое бандитов убрали остатки пиршества. Не трогали только бутылки и легкую закуску. Значит, допрашивать нас будут под праздничные тосты. А еще правоверные мусульмане. Мусульманам Коран, насколько я слышал, запрещает водку жрать. А они хлещут не хуже, чем иные православные попы.

Мы стоим в одну шеренгу. Но внимания на нас пока не обращают. Для пленных слишком много чести. Я косо глянул на майора. Этот поедал взглядом остатки пиршества. Слюни распустил чуть не до колен. Вот-вот захлебнется. Меня же больше другое интересовало. Нераспечатанная колода карт на краю стола. И этот край убирали тщательней, вытерли стол тряпкой и застелили новой скатертью. За отсутствием зеленого сукна скатерть была ярко-фиолетовой. Сюда сдвигались не торопясь трое.

Сержант задел меня локтем. Показал взглядом. Только что во дворе с ним о картах говорили. О том, что из-за карт я оказался здесь. А тут – как по заказу. Я моргнул, показывая, что понял. И почувствовал вдруг – может произойти нечто, связанное с карточной игрой. Неведомым каким-то, необъяснимым чутьем уловил. Это ощущение только один картежник и понимает. Оно не поддается классификации, но все же существует. И я, как настоящий профессионал, всегда к нему, естественно, прислушивался.

Трое сели за стол. Расчертили лист бумаги. «Пульку» рисуют. Интересно, почему у них вист? Но преферанс – это игра интеллектуалов. Значит, местный командир наверняка не бывший забойщик скота. И эти парни с ним – тоже на первый взгляд не очень глупы. Особенно вон тот, с рыжеватыми усами. Не сильно на кавказца похож. Руки – такие бывают только у панистов, хирургов, карманников и шулеров. Именно он взял в руки пачку и распечатал колоду. Уже по первым движениям я понял, что этот толк в картах знает. Но за столом не он главный. Хозяин – высокий, с тонкой талией, с большими и выразительными чуть дикими глазами пси-

хопата. Этот уже несколько раз бросал на нас надменный, как у большинства кавказцев, взгляд. Он чего-то ждал.

Из колоды выбросили шестерки, разыграли сдачу «на туза». Сдавать выпало хозяину. Этот тоже с колодой дружит, но несколько раз я заметил, как он при тасовке подправлял карты. Не ложатся они одна к одной, хотя пальцы у него сноровистые. Первый признак дилетанта. Или же «каталы» достаточно высокого класса, который желает выдать себя за дилетанта.

Игра пошла без «распасов». Дважды соперники сыграли «семерную», потом третий партнер остался без взятки на «восьмерной». Он, я уже понял, совсем «лох», и за стол приглашен только для того, чтобы был третий. В это время в комнату вошел мой гориллообразный знакомец и что-то сказал по-своему. Хозяин ударил кулаком по столу и ответил довольно резко. Тут же властно протянул руку и взял протянутую ему трубку сотового телефона. Стал что-то рассерженно объяснять.

В это время рыжеусый, сидящий ко мне спиной и показывающий мне карты, радостным голосом заказал «мизер». Мне было хорошо видно лежащий посреди стола прикуп, а часть «рубашек» карт я уже запомнил. Одна из карт прикупа была восьмеркой «червей» и при чужом ходе никак не прикрывала прокол в картах рыжеусого. При удачном раскладе он вполне мог нарваться на «паровоз» – если противники правильно определяют снос.

Хозяин, он же местный полевой командир, как я догадался, раздраженно бросил трубку на стол – и сурово посмотрел на нас.

– Ваше командование плевало на своих вояк. Они не хотят менять моих людей на таких засранцев. Отдают только одного. Одного обменяю, остальных расстреляю. Дал им четыре часа времени, – объяснил он партнерам по преферансу, – пусть решают. Через четыре часа, если не найдут моих парней – кто из этих вытащит старшую карту, того обменяю, остальных – под забор...

У него даже ненависти в глазах не было, только высокомерное презрение. И злость, что ему не отдают за нас его людей. Но мне единственному он своим заявлением обещает шанс на спасение. Потому что старшую карту без сомнения смогу вытащить только я. Даже не утруждая себя.

– Вы им сказали, что здесь есть офицер? – осторожно спросил майор.

Интересно, как ему удастся при природном низком голосе вдруг издавать такие высокие заискивающие звуки? Какая-то трансцендентальная трансформация барабана во флейту, не иначе...

– Алимхан, я объявил мизер, – сказал рыжеусый.

Командир сел за стол и сгреб свои карты. На майора он внимания не обращал.

Желающих перебить «мизер» не нашлось. Масти по рукам развалились. Я видел только карты рыжеусого. Еще несколько карт командира, сидящего ко мне лицом, определил по «рубашкам». Говорить точно еще было рано, но мне уже казалось, что «мизер» «не прокатит».

Вскрыли прикуп. Восьмерку «червей» я определил правильно, вторая карта вышла в «трефах», завершая классический подбор масти для «мизера». Тем не менее это значит, что при любом сносе один «прокол» у рыжеусого остается, потому что разрыв в три карты «червей» прикрыть нечем. Следует только правильно определить снос, но в этом нет проблем даже у новичков. А Алимхан, кажется, не совсем новичок, хотя и не профи. Отобрать свое, пробный ход через играющего, при котором нельзя отдать взятку, чтобы у него не получился «перехват», а потом полный «паровоз». Главное – не ошибиться в счете. Но на пальцах считать учат даже в современных кавказских школах. А этих, судя по возрасту, еще в советских учили. Значит, не ошибутся.

Рыжеусый долго «мылился», демонстративно сомневался – то одну карту вытащит, то другую. Правильно поступает. Не зря я сразу определил в нем игрока только по способу

тасовки колоды. Мозги им «пудрит». Но все-таки он сделал снос, поскольку без этого никак нельзя. Игра заметно оживилась.

Рыжеусый прижал свои карты к груди, и из-за спины я не мог видеть, что он снес. Но верхнюю из карт сноса опять же определил по «рубашке». А он, оказывается, хитрый мужик. Не зря усы у него рыжие. «Дурацкий снос» – выбросил нелогичную карту. Вторую карту сноса мне не было видно, но в этом случае он может рассчитывать на «перехват» и обойтись всего двумя взятками вместо классического «паровоза». Алимхан с партнером начали брать свое, они уже готовились к триумфу, когда вдруг замолчали. Своим ходом рыжеусый поставил их в тупик...

...А еще больше поставил в тупик меня.

У него не было первоначально девятки «червей», ее уже сбросил партнер Алимхана. Раньше сбросил, я хорошо это видел. Я никогда не ошибаюсь в картах и помню каждый ход в каждой игре.

– Пролез-таки... – облегченно сказал рыжеусый и раскрыл оставшиеся карты партнерам.

Они только развели руками.

– Две девятки «червей»... – сказал я и увидел, как напряглись плечи и спина рыжеусого, а шея стала покрываться красными пятнами.

Тяжелая пауза, вызванная моими словами, длилась секунд тридцать.

– Что? – переспросил Алимхан угрожающе.

– В колоде две девятки «червей».

Он сразу понял и накрыл двумя своими руками руки противника, который начал уже собирать колоду.

– Погоди-ка...

И стал переворачивать карту за картой. Две девятки нашлись быстро. Рыжеусый не успел убрать лишнюю карту, хотя и торопился это сделать. По его суетливым движениям я понял, что он не совсем профессионал. Учился у кого-то – это несомненно. Но высоты не достиг. Не хватало утонченной небрежности в движениях. А она достигается только долгими тренировками. А когда бандиту тренироваться? Ему воевать надо.

Пойманный с поличным шулер растерянно кашлянул, прикрыв рот кулаком. Обращенная ко мне шея все сильнее и сильнее покрывалась красными пятнами и потела. Бойтся! Момент и в самом деле был довольно напряженным.

– Та-а-ак... – красивые брови Алимхана сошлись на переносице, рука скомкала листок, где расписывалась «пуля». Сам он выпрямился и стал еще выше ростом, чем казался вначале. Долго думал, что предпринять.

– Уезжай, – сказал он наконец угрюмо. – И благодари Аллаха, что ты друг моего брата и гость в моем доме. Уезжай... Очень надеюсь, что в следующий раз не встречу с тобой. И ты на это тоже надейся. Потому что в следующий раз ты уже не будешь гостем... А сейчас мне просто неприятно, что ты сидел за моим столом... Уезжай, пока я не передумал.

Рыжеусый встал, коротко и с укоризной посмотрел в мою сторону, но тут же заторопился к выходу, боясь, что командир в самом деле передумает.

Алимхан налил себе полный стакан водки, заглотил ее одним махом и сел, развалившись на диване. Молчал он долго и так же мрачно. Я было уже подумал, что напрасно испортил ему настроение. В таком состоянии духа он вполне может расстрелять нас всех. Алимхан все молчал. Потом поднял глаза на меня.

– Играешь?

– Играю.

– Во что?

– Во что угодно.

– Хорошо играешь? – В голосе появилась угроза.

Только мне терять уже нечего.

– Хорошо.

– Тогда давай сыграем, – угрозу в глазах быстро сменил огонек азарта, уверенности в своих силах – без этого не может обойтись даже самый плохой картежник, и надежды на успех. Наркоман. Карточный наркоман...

– Не могу, – сказал я.

– Почему?

Он нахмурил брови.

– Принцип.

– Какой, к хренам собачьим, принцип?

– Я не играю без денег. А денег у меня нет. Когда ваши нас «брали», у меня из кармана вытрясли почти десять тысяч баксов. Если мне их вернут, я могу и сыграть. А так – не обес-судь...

– Это добыча моих людей. Я не могу ее у них отобрать, – усмехнувшись, командир покачал головой.

Его партнер вдруг хохотнул и сказал:

– Тогда, паря, играй на свою жизнь против денег. Ведь она чего-то стоит? – и глянул на командира в поисках одобрения.

Алимхан улыбнулся и согласно кивнул.

Я тоже начал входить в азарт. Только это был еще не карточный азарт, а азарт наглости.

– Когда я в армию вербовался, нам обещали заплатить из расчета тысячи баксов за месяц. Я здесь уже два месяца. Следовательно, стою пару тысяч баксов.

– Кто обещал? – спросил Алимхан.

– Правительство.

– Брешут. Если заплатят, то половину. К тому же ты сейчас от этих денег далеко. Двести пятьдесят – больше не стоишь...

Восточный человек. Привык торговаться и видит в этом если и не смысл жизни, то по крайней мере красоту и наслаждение, своего рода поэзию. Но цена моей жизни прозвучала несколько обидно. Хотя я рассчитывал на меньшее, тем более знаю, чего стоят обещания правительства не хуже этого полевого командира. И точно так же не верю им.

– Во что играем? – Я шагнул вперед и пододвинул к себе стул, на котором перед этим сидел рыжеусый.

– Давай в «храпа»¹, – предложил партнер Алимхана.

– Давай, – согласился командир.

Втроем играть в «храпа» неинтересно. Слишком велика случайность, маловаты ставки, и нет коллективного психоза. Но здесь у меня было преимущество за счет техники. Я уже заметил, что они не умеют запоминать карты по «рубашке», а я изучил уже добрую половину колоды, если не больше. Через десять минут буду знать ее целиком, а те карты, которые трудно запомнить из-за схожести с другими, просто «окаплю» – это легко сделать ногтем.

Карты мешал Алимхан. Он же и начал раздавать. Не прошло и десяти минут, как я выиграл свою не слишком дорогую жизнь. Потом выиграл жизни остальных пленников и еще пятьсот баксов.

– На деньги с тобой играть бесполезно, – сказал Алимхан, – хотя и интересно. Давай так... Что такое жизнь без свободы? Мне тоже накладно кормить лишнего пленника и обидно, что не могу его застрелить, когда захочу. В военное время да под хорошую водочку это сильно расстраивает. Играем на свободу?

А что мне еще надо!

¹ «Храп» – простая карточная игра.

– Играем.

– Тольконими бушлат и засучи рукава, чтобы я видел твои руки, – подозрительно сказал он, вспомнив, видимо, недавнего рыжеусого партнера.

– Ты думаешь, что твои люди засунули мне туда карты? – поинтересовался я невинно, но бушлат снял и рукава засучил, чтобы он не сомневался. Слишком разный у нас класс, как у игроков, чтобы мне опасаться «лобовой» игры. К тому же зря, видимо, Алимхан не ездит отдыхать в Сочи. Там на пляже играют в одних плавках и обходятся без рукавов. Сочи – российский центр преферанса. Даже один из вариантов игры называют «сочинка».

– А с тем сыграл бы? – спросил командир, кивнув на дверь. Я понял, что он имеет в виду ушедшего «по-английски» рыжеусого.

– Если он будет играть с засученными рукавами. Впрочем, и без этого, пожалуй, тоже... – я просто шутил. Высокого класса за рыжеусым я не заметил. И смог бы «прокатить» его в любой обстановке.

Снова была сдача Алимхана. Я быстро выиграл свою свободу, потом свободу сержанта, потом свободу солдат. Здесь случился сбой – карта Алимхану «поперла» внаглую – и одного из солдат я проиграл, но тут же дважды перебил чеченское везение своими откровенными «выпадами». Когда играть было нечем – проиграл всех, вплоть до сержанта, и переманил этим шлюху-фортуны – отыграл всех снова. Потом опять проиграл двух солдат, но и их умудрился отыграть, хотя с трудом. Это просто был момент откровенной непрухи. Теоретически такой следует пережить и продолжать играть, не паникуя – напором перебивают только чужую «пруху». Я, естественно, пережил, и ситуация выправилась в мою пользу. Пришел черед майора. Его я выиграл быстро.

Алимхан начал уставать от проигрышей. Хотя и не бывает картежника, который не надеется на выигрыш. Даже тот, который всю жизнь только тем и занимается, что проигрывает.

– Ты – свободен. И эти – тоже... – последовал кивок в сторону других пленников. – Больше играть, как я понимаю, тебе не на что. Разве что на мои деньги, но я жадный, хотя и игрок, и не люблю без конца проигрывать.

– Есть еще вариант, – сказал я, вспомнив, как мы проходили по коридору.

– Говори.

– Там... Женщина плачет...

– Есть там какая-то. И что?

– На ее свободу.

– Я могу играть только на то, что мне принадлежит как человеку и эмиру. Женщина принадлежит моим бойцам и скрашивает их ночи. Я не имею на нее права.

– Выкупи ее.

– Они не согласятся. И это будет с моей стороны некрасиво. Я уважаю своих бойцов.

– Значит, совсем наигрался?

– Совсем. Ты, случаем, не профессиональный «катала»?

– Нет. Я работал охранником в казино. Там научили спецы. И память у меня от природы...

– Казино – тоже школа. Иди...

Я посмотрел на него внимательно.

– Алимхан, – сказал, понимая, что слегка рискую в своей настойчивости. – В твоём слове я не сомневаюсь. Но ты в этих местах не единственный эмир. Сам хорошо знаешь ситуацию. Если ты наспустишь, а мы нарвемся на других людей – нас снова возьмут в плен. Играем на оружие?

– Нет, – он помрачнел.

– Ну, хотя бы на один автомат с двумя полными рожками. Это только необходимая мера безопасности.

– Что ставишь против него?

В голову пришла благая, хотя и слегка шальная мысль. Я ни секунды не сомневался.

– Майора.

– Играем. Мне нужен хотя бы один пленник для обмена. Я совсем забыл.

Он сдал карты. Я выиграл автомат. Алимхан окончательно расстроился.

– Играем на второй автомат?

– Против майора?

– Против майора.

Майора я проиграл. В глаз попала соринка, и я не смог правильно разобрать «рубашку» верхней карты в колоде. Бедный офицер стонал позади, как плаксивая болотная выпь, но из строя не вышел – не посмел.

– Все, – сказал я. – На этом закончим?

– Да, а то потом ваши войска возьмут моих безоружных парней голыми руками, – Алимхан, усмехнувшись, согласился. Для горца у него была сильная воля, и он мог победить свою страсть. Потому, должно быть, и стал эмиром.

Я поднялся и повернулся лицом к строю. Сержант и солдаты смотрели выжидающе, майор плакал, но сказать что-то против не смел. Мне совсем не хотелось ему сочувствовать. Помощь подают тому, кто сам готов ответить тем же. Это закон.

По команде Алимхана принесли автомат. Тот самый волосатый бандит принес. И непонимающе смотрел, как Алимхан отдает мне оружие. Но теперь дать пинка не решался. С оружием в руках я и сам мог ответить ему тем же и даже большим.

У дверей, прислонившись к стене, стоял другой бандит. Тоже с автоматом. Странная какая-то конструкция. Внешне похож на «калаш», но немного другой. И двухрядный магазин. Наверное, это удобнее.

– Давай сыграем на этот, – показал я.

– Нет, – ответ был короток и ясен, и я сразу понял, что вопрос обсуждению не подлежит. Значит, не сумел я полностью «завести» Алимхана. Это и неудивительно. Шулерской психологической практики у меня нет. Не научился противника как следует «обрабатывать». Я же не шулер...

– Джемшет, – скомандовал Алимхан волосатому. – Возьми мою машину и отвези этих парней на дорогу. До блокпоста они сами доберутся. Головой отвечаешь за их сохранность. Я дал им слово...

Протянул Джемшету ключи и уважительно пожал мне на прощание руку.

Мы вышли во двор.

– Майора жалко, – сказал один из солдат.

Вот, дурак. Ему, наверное, и бандитов будет жалко. Тех самых бандитов, которые собирались его расстрелять. И расстреляли бы, потому что старшую карту в колоде вытащить из всех присутствующих мог только один человек. И десять раз сумел бы вытащить старшую карту, дойди дело до этого. И двадцать раз – одну и ту же, если потребуется. Как ни мешай Алимхан колоду. Как ни плачь собратья по плену. На войне жалости не место. В такой ситуации жалеют только себя.

– Хрен с ним, все равно его обменяют.

Джемшет открыл «Ниву». Я запустил ребят на заднее сиденье, а сам, на правах хозяина их жизнью, устроился с большим удобством спереди. Автомат положил на колени стволом в сторону водилы – береженого Бог бережет. А в данном случае христианскому Богу против Аллаха поможет мой «калаш». Предохранитель оказался у меня под пальцем, и хватило бы доли секунды для выстрела.

Мы без проблем миновали посты, на которых Джемшет о чем-то разговаривал по-своему и в ответ на вопросы недоуменно пожимал плечами – он сам не знал причин великодушия

командира, – и устремились по проселочной дороге вдоль реки, потом свернули в боковое ущелье. Карту местности я хорошо помнил. Мы ехали к шоссейке, контролируемой федеральными войсками. В те места бандиты заходили редко. А если и заходили, то это обычно были люди Алимхана.

– Как так Алимхан отпустил вас? Да еще с автоматом? – спросил до этого молчавший Джамшет.

Я в ответ самодовольно хохотнул.

– В карты все это выиграл. И жизни, и свободу, и автомат. На тебя вот только не догадался сыграть. А то неплохо было бы за пинки расплатиться...

Машина тормознула так, что я чуть не вылетел сквозь стекло. Но Джамшета возмутило другое.

– А майора?

– А майора сначала выиграл, а потом проиграл.

Он раздумывал, что-то соображая, и с хрустом чесал волосы на груди – джунгли для насекомых.

– По-честному, что ли, играешь? Не всегда, значит, выигрываешь?

– Конечно. Могу с засученными рукавами.

– Во что играли?

– В «храпа».

У чеченца дико горели глаза. Или он надумал нас убить, или...

Или – только одно!

– А в «секу»² можешь?

– Могу и в «секу».

Он достал из кармана колоду. Правда, не новую, засаленную и заляпанную жирными пальцами бандитов – такую я буду знать наизусть через две минуты, лишь бы было достаточно светло. Я ждал продолжения. Чеченец смотрел на меня долгим взглядом больного человека. Очень похоже – Джамшет болен, страдает. Сильно страдает. Как тут не посочувствовать и не помочь?

Через полчаса лечения я подумал, что время уже слишком позднее, а кормили сегодня плохо, пора бы к своим добраться и поужинать. Если освобожденные мною парни к такому рациону могли уже привыкнуть, то я еще не сумел полностью втянуться в бандитскую диету. К тому же начало быстро, как и полагается в горах, темнеть. Потому сказал:

– Хватит, Джамшет, а то тебе придется голым к своим возвратиться. Это не солидно для взрослого мужчины. Засмеют... – и представил, как его раздетого примут за снежного человека, которого в здешних краях зовут йетти. Про йетти среди военных ходит много сказок. Кто-то в горах видел на снегу следы его босых ножек, в три раза превышающие по размеру человеческие.

Я убрал в карман полторы тысячи баксов. Это все, что было у чеченца с собой. Джамшет тяжело вздохнул. «Сека» тем и интересна, что от нее невозможно оторваться, постоянно кажется, что вот-вот крупно выиграешь, а на самом деле проигрываешь и проигрываешь без конца. Если только не обучен выигрывать...

Джамшет глянул на меня зверем – то есть посмотрел так, как привык всегда смотреть на русских, – и повернул в замке ключ зажигания. Мы молча поехали дальше. Но к водиле я стал относиться осторожнее. Кто знает, что у него на уме. Они ведь и воюют именно за то, чтобы по-своему эти баксы зарабатывать. Работу считают немужским занятием. Абрек на Кавказе всегда человек уважаемый. Испокон веков у кавказских народов так повелось. А тут проиграл такую сумму. И кому? Сказать потом в родном ауле будет стыдно – пленному солдатику, пацану,

² «Сека» – карточная игра, может быть, самая азартная из всех игр. Другое название – «тренька».

с которого мечтал для сына башмаки добротные снять. Это должно быть невыносимым для гордого горца.

А если ему стыдно, можно ждать всякой гадости. У них свои представления о чести и совести – волчьи. А волк – тот самый, с герба Джохара Дудаева – животное трусливое и подлое, любит убивать исподтишка. К тому же я не сомневался, что отсчитанные волосатиком зеленые бумажки еще сегодня утром лежали у меня в кармане. Это только часть того, что у меня забрали, когда саданули прикладом по голове. Но ведь это было утром. Давно, по меркам Джемшета. За такой срок он к этим долларам успел сильно привыкнуть, и расставаться с ними было для него обидно. Точно так же, как с мечтой о новых военных башмаках для своего сына. Хорошие башмаки, снесу им не будет.

Я вспомнил про утро, и очень захотелось сделать всего два движения – большой палец опустить вниз вместе с предохранителем, а указательный дернуть на себя. Кажется, Джемшет каким-то образом прочитал мои мысли, потому что бросил несколько раз настороженный взгляд вправо – первобытный нюх ему помогал. И добавил газу, вероятно, в надежде, что во время быстрого движения по опасной горной дороге я не решусь выстрелить. Теперь тем более следует ждать от него подляны. Он будет считать свои действия ответными, и не докажешь, что мысль материализуется только в исключительных случаях.

Но он, кажется, выехал без оружия, если кавказцы вообще бывают без оружия. Я слышал где-то, что они рождаются с окровавленным кинжалом в руках. Но сейчас в руках у него ничего не было. Разве что спрятал под сиденье пистолет. Но это не его машина, а что под сиденьем в машине эмира, он может и не знать. И потому весь остаток пути я держал палец на предохранителе, готовый к любым неожиданностям.

3

Темнота уже подступила плотно, и слева от нас над заснеженным отрогом лесистого хребта, выкатилась полная неестественно белая луна. При таком свете не хочется верить, что идет поганая война или даже контртеррористическая операция и ты сам, как в помойке, дышишь ее горелыми раздражающими миазмами. При таком свете хочется бесконечной тишины и покоя. Хочется забыть, что пока, к сожалению, покой нам со всех сторон обещают только вечный.

Джамшет резко тормознул перед выездом из ущелья, ткнулся грудью в рулевое колесо, потом откинулся на спинку сиденья. Даже глаза на несколько секунд закрыл. Будь сиденье предельно жестким, это его, думаю, не смутило бы. Любопытно было бы посмотреть на спину этого типа. Должно быть, тоже волосатая, как и все остальное тело. Имея такое покрытие, можно на голом полу спать без матраца. Да что на полу, на голых камнях в горах можно. И даже прыгать со скал на спину или на грудь, как прыгает горный козел на мощные рога, когда спасается от преследования.

Я вопросительно посмотрел на бандита. Отсюда до дороги – если напрямую – пару длинных километров по острым камням топать. По измятой камнями дороге – около пяти. Мои новые выигранные башмаки такую дорогу еще выдержат, а то рваньё, что на ногах у моей команды – едва ли. Из чувства солидарности я, чесслово, вовсе не намеревался даже одним башмаком с кем-то поделиться.

– Когда я к тебе в плен попаду, отыграюсь... – сказал волосатый, должно быть, обозначая этой фразой прощание.

– Подбрось дальше, – попросил я, – до дороги.

– Ага, прямо так и разогнался... Там участок вашими простреливается. Они на «Нивах» не ездят. Сразу поймут, кто тут. Как долбанут из крупнокалиберного без разбора...

– Не лепи горбатого³... Без разбора они тоже не шмаляют. А если ты мирный?

Где-то в дебрях бороды на его лице показалась улыбка.

– С этим потом будут разбираться, когда к Аллаху отправят. Если будут... И вообще, запомни, сынок, на будущее, мирных горцев не бывает. На прошлой неделе я самый мирный был. Домой ездил, крыша потекла – ремонт делал. В вашей комендатуре отмечался. В свою школу зашел – я раньше директором школы был. А сейчас я уже здесь. И каждый горец так. И никогда ваши не поймут, кто против них воюет. Нас победить нельзя, нас можно только уничтожить.

Приятно было слышать такое откровение гордого сына гор. Мне захотелось сказать, что тогда, если желают – уничтожим, но при этом очень не хотелось идти пешком по камням. А после моей несдержанной фразы это было бы неизбежно. И вообще насчет национальной гордости я бы на его месте помолчал. В каждом народе есть и герои, и трусы. И хотя я совсем недавно на войне, пленных кавказцев уже видел. Валяющихся в ногах и выпрашивающих жизнь сразу после того, как они отнимали чужие. И не просто отнимали, а со зверством, нормальному человеку не присущим. Если у человека в душе живет герой, он никогда не станет садистом.

Но я не стал обострять разговор.

– Это дело подлых политиков. Надеюсь, ты понимаешь, что политика честной не бывает. Ты свои речи им толкай. У меня интересы скромнее. Здесь по дороге всего-то пяток километров. Подбрось. Сто баксов... – помахал я у него перед носом зеленой бумажкой, которая должна показаться волосатому хорошо знакомой.

³ Лепить горбатого – говорить ерунду (блат. жаргон).

– Пятьсот, – сказал он твердо и положил руки на руль, словно не сомневался ни минуты в моем согласии. Беда просто с людьми Востока. И здесь торгуются...

– Триста.

– Четыреста.

– Триста пятьдесят.

– Поехали.

Расценки военного времени. Так наглеют исключительно московские таксисты и кавказские боевики. Впрочем, по нутру они мало чем друг от друга отличаются.

– Поехали... – обреченно вздохнул и я: пожалел ноги обессиленных и голодных ребят. Я и сам уже, надо сказать, начал ощутимо страдать от голода – как тот внутривойсковой майор, хотя не ел всего-то один день. Пару кусков лепешки за еду считать нельзя. Но все же обида брала. Ради чего, спрашивается, я играл? Чтобы еще пять километров проехать?

Джамшет вздохнул и резко, со скрипом, перевел рычаг коробки передач сразу на вторую скорость. Лихой джигит, как и полагается, сразу со «второй» гонит.

– Считай баксы, чтобы там долго не стоять.

Я отсчитал.

Он подъехал прямо к полотну асфальтированной дороги. Тормознул так, что «Ниву» занесло и на откосе чуть не перевернуло. У этой машины центр тяжести высокий. Кувыркается с удовольствием.

– Быстрее выгружайтесь. Здесь БМП дорогу контролируют. Мне только такой встречи не хватало, – и стал всматриваться в сумрак.

Я сунул ему деньги и покинул машину первым, парни выбрались следом за мной.

– Высоцкий! – окликнул чечен.

Я снова положил палец на предохранитель автомата, чтобы при необходимости успеть отстоять выигранные баксы, и обернулся.

– Чего?

– Ты, случаем, не сын адмирала?

– Нет.

– Я так и думал. А почему ты один солдат с офицерами шел? И без оружия.

– На «губу» меня вели.

– Я тоже, когда служил, несколько раз на «губе» сидел. Молодой был, все тянуло через забор и к девкам... Ладно, – Джамшет махнул всем рукой, как старым друзьям, улыбнулся, запрыгнул в машину и укатил.

Станный народ кавказцы. Пленного врага, который не успел еще за всю войну ни разу выстрелить, они готовы расстрелять и отрезать ему голову. А человека, обыгравшего их покрупному в карты, считают почти другом. Законы гор – чтоб им неладно было! – неисповедимы.

Мой «выигрыш» ждал своего «хозяина» на обочине.

– Ну что, братва, пошли? – оглядел я свое ободранное и израненное воинство, забросил на плечо автомат и первым ступил на асфальт.

– Пошли, – согласился Виктор и двинулся вперед, обгоняя меня. Ничего не попишешь – старший по званию. Но я и не претендую на роль ведущего.

– Теперь уже домой. Устал я, пацаны, спасу нет... – вздохнул кто-то за спиной. Много разных эмоций слышалось в этом вздохе.

Насчет того, что теперь они под моим руководством пошли домой, говоривший по сути был прав. Солдат, которые попали в плен и были вызволены оттуда, положено сначала отправлять на реабилитацию в госпиталь, где им предстоит выдержать садистские издевательства психиатра, что само по себе для психики является испытанием. Потому что психически здоровых психиатров, как я слышал, не бывает, а потом комиссовать мальчишек по состоянию

здоровья и гнать домой – наслужились до тошнотиков. Не знаю, есть ли на этот счет законы, но практика такова. Неофициально между этими более-менее приятными мероприятиями, я имею в виду комиссию и саму отправку, проходят мероприятия гораздо менее приятные и даже иногда мучительные. Как то: нудные допросы недоверчивыми сотрудниками военной контрразведки, а потом и ФСБ. Нервы парням попортят так, что им снова психиатр понадобится.

А мне – вообще неизвестно на что надеяться и на кой хрен возвращаться. Против меня должны возбудить уголовное дело по факту хищения военного обмундирования со склада воинской части. Для этого меня и вели на «губу». Там должны были передать с рук на руки следователю военной прокуратуры. Решетки, нары, допросы – вот моя участь. А потом и «зона». Так мыслил прапорщик Василенко, заведующий складом. Склад этот – обыкновенная палатка, стоящая на склоне, чуть в стороне от жилых. Постоянно опечатанная, поскольку, как и положено каждой палатке, не имеет двери с замком. Оторвать бы кое-что прапорщику-кладовщику, чтобы он больше не плодил себе подобных ублюдков! Да очень уж он сейчас далеко. Не дотянешься. А вовремя я не успел.

И тем не менее податься мне больше некуда. Придется сдаваться вместе со всеми и добровольно пешим порядком являться на гауптвахту.

Такие нелегкие мысли бродили у меня где-то около желудка, и я безуспешно пытался разобраться – следствие они голода или же приближения к гауптвахте, где тоже кормят, насколько я слышал, не по фронтовой норме. Арестантская диета. Она может пойти на пользу разве что недавнему моему знакомому внутривойсковому майору.

Мы двигались по дороге в направлении, которое указал я. Если идти в противоположную сторону – попадешь к населенному пункту, где дислоцируется наш отдельный сводный отряд спецназа ГРУ и точно такой же отряд спецназа внутренних войск. Сводные отряды бывают разными. Как я слышал, бывают сводные отряды, где и десантура, и морская пехота, и спецназ ГРУ, и даже спецназ внутренних войск входят в состав, хотя «краповые» относятся у другому министерству. Наш сводный отряд потому сводный, что составлен из представителей разных бригад спецназа ГРУ, но посторонних у нас не держат. Вообще-то отношения между солдатами и офицерами там вполне человеческие. Но пешком идти слишком далеко. Наши желудки не выдержат суток пешего хода, совсем сохнут от затраченных усилий. А сюда, в эту сторону – к своим ближе. Впереди должен быть блокпост. Географические карты я помню не хуже карт игральных. Природа наградила хорошей зрительной памятью. Да и на работе постоянно тренировал ее по специальной методике.

– Парни, давай потише... Ноги не идут... – отставший солдат хромает так, словно у него не рука прострелена и забинтована, а по крайней мере обе ноги в гипсе.

– Ногу, что ли, отлежал? – насмешливо и недовольно спросил сержант Львов.

Сержанту по должности положено на солдат покрикивать. Это в кровь въедается и не дает потом покоя. Даже, говорят, на «гражданке», когда дембельнешься, первое время покомандовать хочется. Хорошо еще, что не подгоняет Виктор отставших пинками, как это делают сержанты в «учебках».

За долгое время сидения в яме ходить отучиться немудрено. Три на три метра, да еще половину ямы вонючий толстый майор занимает, а еще четверть почти такой же вонючий туалет – не разгуляешься. На всех остальных четверть помещения и остается. Немудрено ноги отсидеть.

К счастью, со стороны донесся знакомый и даже приятный звук.

– Доберемся... Подвезут... – Я остановился и поднял вверх ладонь. За день до своего трагического пленения, во время рейда со спецназом, видел, как разведчики таким знаком призывают к тишине. Их знаки я тоже научился понимать быстро. Привычка профессиональная – все видеть и все запоминать. Здесь я никакому разведчику не уступлю. Да, по сути дела, по гражданской профессии я и есть разведчик.

«Выигрыш» понял меня. Остановились, затихли.

Издали слышался звук приближающейся боевой машины пехоты. Рокот двигателя и лязг гусениц по асфальту далеко разносился в темноте. Это была именно БМП, а не танк, потому что у танка и двигатель иначе звучит, и гусеницы лязгают солиднее, без звона. Едут навстречу нам. Судя по быстрому приближению звука, на приличной скорости гонят. Где-то я слышал, что в этих местах для транспорта рекомендованная скорость не менее семидесяти километров в час. Чтобы трудно было прицелиться бандитским снайперам и гранатометчикам.

Дорога как раз вывела нас на крутой и каменистый гребень невысокого перевала, откуда открылся хороший обзор.

– Вон они... – радостно показал Виктор. – Несутся, будто знают, что мы их ждем. Быстрее, братишки... Жрать хочется, спасу нет...

– Быстрее... – повторил кто-то сзади таким радостным шепотом, словно увидел, что к транспорту прицеплена дымящаяся полевая кухня, котел которой дышит жаром и кашей. – Свои... Быстрее...

Все старались рассмотреть, что там в самом деле тарыхтит движком и лязгает гусеницами. Это стало ясно через пару минут. По освещенной луной дороге катила метрах в ста впереди и ниже нас боевая машина пехоты. Свет из узких щелей маскировочных фар рыскал, подпрыгивал по раздолбанному асфальту.

– Вперед, – как старший по званию, сержант Львов принял команду на себя.

С приближением к своим я начал терять высокий авторитет войскового рабовладельца. Хотя человеческая неблагодарность и бывает обидна, я постарался понять Виктора. У него «лычки» на погонах чешутся.

Теперь идти стало морально легче. Мы уже начали спуск с холма, когда БМП оказалась как раз под ним, в месте, где дорога делает крутой изгиб. В свете луны стало даже видно двух человек, которые сидели на броне, не желая прятаться внутрь. Нас они не видели, потому что голову не задирали.

– Дай автомат, – не попросил, а приказал Львов.

Однако совсем другой у него голос стал. Скоро прикрикивать на меня начнет, а потом и самолично арестовать попытается, чтобы до «губы» под стражей доставить. Любая, даже самая маленькая власть требует систематической подкормки. Хотя бы словесной, если невозможна другая. Это общечеловеческий закон. Сержантская – недавно потерянная и нечаянно обретенная вновь благодаря мне – подобна голодному кавказскому волку. Готова все заглатывать чуть не на лету и требовать еще и еще.

– Обойдешься. Свой надо иметь, – грубо отмахнулся я, решив сразу поставить сержанта на место, и бережно поправил брезентовый ремень автомата. Захотел парень с оружием вернуться. За героя проканать. Но и мне тоже так хочется. Есть надежда, что это зачтется при решении моей судьбы. Это для меня, возможно, одна из немногих надежд на будущее. И, кроме того, я на этот автомат гораздо больше сержанта прав имею. Я его выиграл. Собственным умом и собственным глазом. Заслужил.

– Смотри, дурак – бандиты, – показал Львов и затряс рукой от нетерпения.

Но я сам уже увидел и остановился, словно наткнулся на каменную стену. Даже поднятую ногу не сразу поставил на землю.

Впереди, как раз над БМП, только двумя петлями «серпантина» выше, что-то шевелилось на скале, кто-то перебежал, занимая позицию. Намерения были недвусмысленными. Луна освещала одновременно и БМП, и засаду, эту БМП поджидающую. Даже иногда днем видимость бывает хуже.

Я сориентировался и тут же встал на одно колено – так мне всегда стрелять удобнее. Опустил предохранитель, щелкнул затвором и дал две короткие очереди, почти не целясь, чтобы

время сэкономить и предупредить о засаде, потому что боевая машина пехоты уже находилась в опасной близости от нее.

Выстрелы сухо прозвучали в ночи, разорвав тишину, словно окрестная природа осуждала силы, потревожившие ее величественный покой, и не желала принять их. Но сопротивляться этим силам не могла и она.

Парни на броне БМП среагировали сразу – молодчаги. Один успел нырнуть в люк, к пулемету, а второй спрыгнул на землю, дал короткую ответную очередь и перебежал за камни. Тут же распахнулись задние дверцы машины, но солдаты еще не успели выскочить, когда со скалы ухнул гранатомет. Вообще-то бандиты ждали, чтобы наши сделали еще один поворот и проехали вперед. Тогда можно бить наверняка – кинжальный огонь, иначе – обыкновенный расстрел. Но мои очереди поторопили события и вынудили засаду тоже поторопиться. Проехавшая по нижней дороге чуть дальше засады БМП вспыхнула ярко, как спичечный коробок. Но предупреждение со стороны дало экипажу те восемь-десять секунд, которые им и были необходимы для спасения. Солдаты по-деловому, без лишней суеты выскакивали из горящей машины, перекатывались и сразу отыскивали себе позицию за придорожными камнями. Чувствуется, что ребята натасканные, не со двора собраны. Да и боевики в засаде растерялись, не ожидали постороннего вмешательства – в результате не успели подготовиться и занять удобную позицию. Первоначально они пристраивались так, чтобы расстреливать солдат прямо под собой. Потому и задержались с началом общего обстрела, подбирая выгодный сектор, дали возможность нашим занять оборону.

Я с тоской посмотрел на луну в надежде на тучи, которые приглушат «ночной светильник» и дадут нашим парням поспрятаться. Но туч нынешней ночью провидением предусмотрено не было. Ну, что же... Тогда надо до конца использовать лунный свет. Сверху бандиты были освещены прекрасно. Без поддержки экипажу БМП будет трудно.

Получите...

Подо мной еще раз ухнул гранатомет. И тут же началась рваная и сухая обоюдная автоматная стрельба, впрочем, довольно дурацкая. На всех ПНВ⁴ не напасешься – бандитов снизу совсем не видно. Они за скалами наверху. Только по вспышкам выстрелов можно определить. Да и то лишь тех, у кого автомат без ПББС⁵. А таких половина – готовились бандиты к засаде основательно. А наших не только луна, еще и горящая машина ярче солнца освещает, хотя они и прячутся за камни. Но – мозг в голове имеют – быстро сообразили и рассеялись по сторонам, подальше от предателя-огня. Теперь и мне уже, почти как бандитам, стало плохо видно. Молодцы. Кто-то их качественно готовил.

Вроде бы внизу промелькнул «зеленый глазок». Такие бывают у ночных прицелов «Винтореза» и у ночного бинокля. Но показывать этот глазок с такой короткой дистанции – это значит подставить себя под пулю. ПНВ не поможет. Пока ты ищешь цель в оптику, тебя уже три раза «шлепнут». Снайпер, похоже, это понял и отключил питание прибора.

Я дал еще пару коротких очередей по бандитской засаде. Теперь бил прицельно, потому что мне их более-менее было видно – я находился выше уровнем, и прятались они за камни не от меня, а от федералов, что залегли двумя «этажами» ниже. Рядом со мной моментально просвистела пуля. Классно! Свои же, понял я, «положить» рвутся. Мой автомат тоже без ПББС. Себя сразу обнаруживает. А наши парни не понимают, что я по противнику луплю, их прикрываю и поддерживаю.

За спиной послышалось движение.

– Ложись, – наконец-то дал команду сержант нашей разинувшей рты группе.

⁴ ПНВ – прибор ночного видения.

⁵ ПББС – прибор беспламенной бесшумной стрельбы.

В разинутые рты шальные пули залетать любят – известное дело. Война – не кинотеатр. И следить за действием здесь надо совсем иначе, чем на киносеансе. Сколько уже пацанов полегло только потому, что рты закрыть не успевали.

Кто-то за моей спиной повалился со стоном. Или пуля нашла героя, или так быстро и старательно залег, что свою рану разворотил. Но смотреть на это было некогда.

Как мне вклиниться в бой и себя не подставить?

– Отойти всем за склон!

Виктор не унимался. Генералиссимус Суворов, а не сержант Львов – стоит с гордо поднятой головой, распахнутый бушлат раздувает ветер. Под светом луны он – памятник. А в последние времена по памятникам часто стреляют – кому какой не нравится. Демократы ломают памятники большевикам, а нью-большевики взрывают памятники царям, потому что демократам памятников наставить еще не успели.

– Сам спрячься, – говорю ему, не глядя. – Видишь, наши по нам же лупят...

А он, дурак, не понимает. Старается ко мне поближе держаться и корректировать стрельбу. Даже наклонился, чтобы я его указующий перст лицезрел.

– Вон там у них гранатометчик. Слева, на самом краю. Вон, видишь...

Я в этого гранатометчика десяток секунд назад очередь выпустил. Кажется, уже угомонил. Но тут же сам предпочел позицию поменять. Решил вообще лежа стрелять и потому распластался, а потом и перекатился на несколько метров правее.

Солдаты стали заходить с флангов. Плотно подпирают и грамотно. Одни прикрывают очередями, другие перебегают. Обхватывают с трех сторон. Бандиты поняли это и по одному начали пробираться выше. Такой бой они не любят. Они больше исподтишка гадят. А если не прокатило, то сматываются. Вот как сейчас, например. Я насчитал восьмерых.

– Стреляй навстречу... – Львов наконец-то залег. Но удержаться не мог и все норовил, зараза, в локоть меня толкнуть, перед тем как дать очередной ненужный совет. Как раз в тот момент, когда я целюсь. Я и без советов навстречу стреляю, потому что хорошо соображаю – подниматься «чехам» придется прямо на нас. И если поднимутся, то захотят через нас пройти. То есть – по нам, по нашим симпатичным и любимым трупам. Это было бы обидно, ведь уже чувствовали себя почти дома и надеялись хоть немного наесться. Единственная возможность избежать этого подпрыгивает у меня в руках при каждом нажатии спускового крючка. Но – кажется, качественно подпрыгивает...

Обидно, если бандиты поднимутся сюда. Но еще обиднее будет получить пулю от своих, которым снизу непонятно, куда я стреляю. Им кажется, что в них. И они отвечают. По мере приближения ко мне, все более и более опасно. Того и гляди, бандитам помогут на дорогу выйти и смотаться...

И потому я после каждой очереди перекатываюсь, как бревно, то в одну, то в другую сторону. Только сержант мешает. Нравится ему у меня под боком валяться.

– Отлезь, – говорю. – Не мешай...

– Я помогаю, – он, кажется, всерьез удивлен моим отношением. Парень не трусливый, однако, видимо, без царя в голове.

Это в нем неукротимый и бестолковый советский дух коллективизма работает. Не иначе, до армии в колхозе жил. А я индивидуалист по натуре. Мне одному легче. А если уж есть напарник, то он должен умнее действовать или, по крайней мере, не трепать лишнего и не толкать под руку.

– Знаешь такую команду – рассредоточиться! Вот и рассредоточься... – прошепел я ему. Честное слово, готов был прикладом в лоб дать. Не рассредоточить, а размазать по камням. До того надоел.

Он долго соображал, как ему такую нестандартную для одного человека команду выполнить, и я успел вовремя откатиться. Очередь выбила камни в полуметре от меня и как раз на том месте, где я только что был.

– О-ой, твою мать! – вскрикнул Львов обиженно, совсем по-детски, и затих.

Я посмотрел – что с ним, к хренам собачьим, случилось. Даже кольнуло сожаление, что зря на хорошего в общем-то парня злился – подумалось, что достала бедолагу пуля, когда свои уже рядом. Виктор зажал руками лицо.

– Ранен? – спросил я.

– Камень в лоб попал. Рикошет...

– Жить-то будешь?

– Кожу рассекло.

– Отползай, сержант, к чертовой матери, за гребень, если жить хочешь...

И тут же, не дожидаясь его ответа, я снова перекатился и отыскал в прицеле самую близкую тень. Этот боевик был уже в двадцати метрах от меня. Опасно приблизился. С такой дистанции и меня прекрасно видно. Я парой пуль попросил его не слишком торопиться. Снизу тоже стреляли качественно и, что меня спасало, выборочно. Бегущие под лунным светом фигурки нашим солдатам, к счастью, нравились больше, чем более далекие непонятные вспышки то с одного, то с другого места. И потому в меня стреляли редко.

Кончилось все через несколько минут, когда последний боевик показался вдруг сбоку от дороги.

– А-а-а... Пад-дла, – заревел он, увидев вблизи лежащего сержанта Львова, добавил еще несколько колоритных фраз и схватил свой автомат двумя руками за ствол. Очевидно, патроны у бандита кончились, а в гражданские времена он, не иначе, работал молотобойцем. Вспомнил профессию.

Я не стал спрашивать, почему все кавказцы разговаривают на своем языке, а матерятся по-русски, и не стал тем более слушать, как захрустит голова Виктора. Дал длинную очередь, отбросившую мое оружие вверх и влево. Именно в этом направлении я и разрезал бандита пулями. А сержант все продолжал лежать, закрыв голову руками.

– Подъем, курортник... – крикнул я. – Теперь включи командирский голос и зови, зови наших.

– Чего? – Он еще не понял, что остался жив, и удивился этому настолько, что даже радость вовремя проявить не успел.

– Объясни все с дистанции, а то нас перестреляют раньше, чем подойдут для разговора.

– Мужики... – заорал сержант. – Здесь свои, свои... Не стреляйте... Свои...

А глотка у него и в самом деле здоровая. Наверное, наголодался у бандитов, и сообразил, что чем сильнее кричать будет, тем быстрее попадет в лагерь и будет накормлен.

– Кто такие? – увесистым камнем взлетел к нам вопрос.

Но голос даже в пылу боя был спокойным.

– Поднимайтесь. Бандиты кончились... Мы – свои...

Фигуры вышли на дорогу сразу с двух сторон. Классно подобрались. Я их даже не видел. Автоматы смотрели на нас с сержантом.

– Там еще трое... – показал Львов. – Раненые. Не подстрелите.

Остальные поднялись по склону. Ко мне подошел солидный, как мастодонт, капитан с простодушным лицом деревенского бугая-медалиста. Почесал двухнедельную щетину, намекающую на желание отпустить бороду, и посмотрел на автомат.

– Ты отсюда стрелял?

– Я.

– В кого?

– Не в своих же. Я сразу вас и предупредил очередью, когда вы еще на броне прохлаждались.

– Понятно. А мы тебя чуть не грохнули. Я сам в тебя пару раз стрелял и другим приказывал.

– Вот этого не надо бы... – сказал я, вполне убежденный в собственной правоте.

Капитан добродушно улыбнулся – согласился, что спасителей как-то нехорошо расстреливать, но тут же стал серьезным и даже озабоченным. Но не от моего поступка. К нам приблизился солдат и досадливо стукнул прикладом в камень, чуть приклад не разбил.

– Что?

– Трое.

– Три парня... – капитан саданул себя кулаком по бедру. – Три парня... А «черных»?

– Одиннадцать. И двое ранено.

– Три парня... – повторил капитан, и мне показалось, что он сейчас заплачет.

По моим прикидкам, из одиннадцати бандитов я положил пятерых. Неплохо для планшетики.

– Что матерям писать?.. – спросил сам у себя капитан. Солдаты, как я понял, все срочники. Пацаны. За таких всегда бывает обиднее всего. Они не сами себе место службы выбирали и не рвались пострелять в свое удовольствие на этих горных склонах.

Контрактники, как я, знают, на что идут, когда на войну отправляются. И большинство из них идет на это или из желания подзаработать, когда другой работы нет, или, опять, как я, от желания спрятаться от кого-то. Хотя есть, конечно, и просто солдаты в душе. Этим нравится воевать. Последние, как правило, уже прошли Афган или еще что-то и знают, сколько весит пуля...

4

Рация в БМП сгорела. Связи вообще не было, потому что в этом месте не ловил сигнал, что вообще-то для Северного Кавказа нонсенс. В сотовой связи нуждались одинаково и федералы, и бандиты, и потому те и другие берегли вышки.

Капитан тем временем распоряжался. Принесли и положили рядом троих убитых солдат. Долго стояли рядом с ними, то ли прощались, то ли осмысливали случившееся – еще полчаса назад они все вместе сидели в своей «консервной банке», трясушейся по дороге и лязгающей гусеницами, может быть, шутили, может быть, и переругивались, а сейчас этих парней уже нет. И каждый стоящий рядом понимал, что сам мог оказаться на их месте. В стороне разложили прямо на дороге одиннадцать боевиков. Здесь же перевязывали двоих раненых солдат и двоих пленных бандитов. Но последним сразу после перевязки стянули за спиной руки. Не в госпитале отдыхают, потерпят...

Один бандит повел себя непонятно. Показалось, что именно от меня он старательно прячет лицо. Так старательно, что не посмотреть на него было бы грех. Почти полная луна светила достаточно ярко, и не узнать эти торчащие клыки я не мог. Да и жердеобразная фигура запомнилась.

– Товарищ капитан, вот этот вампир сегодня утром отрезал голову убитому разведчику лейтенанту спецназа ГРУ Костикову. На моих глазах.

Глаза капитана сузились.

– Точно его узнал?

– Точно.

– Это не я был, это не я... – Жердеобразный попытался перекатиться в сторону с дороги. И при этом стонал и визжал, потому что болело простреленное плечо. Пуля, кстати, попала со спины. Может, я сверху стрелял, хотя вполне могли его достать и сзади, при отступлении. Как раз тогда большинство боевиков и «положили».

Капитан подошел к вампиру и каблуком сильно надавил на рану.

– Зачем же ты убитому голову отрезал, отродье ты непотребное? – Голос тихий и удивительно спокойный, даже усталый. Говорил капитан лишь с легкой укоризной, совсем без угрозы.

– Мне так велели... Джамшет велел... – и тут же начал сам себе противоречить, не понимая этого в животном страхе. – Это не я был, это не я...

И пытался вырваться из-под ноги.

– Я тебе не буду голову отрезать. Я тебя просто пристрелю, – сказал капитан устало.

– Пусть меня судят... – заплакал чечен, прекратив попытки вырваться из-под каблука.

– А потом помилуют... Или обменяют... Или родственники за деньги вытащат... Нет...

И капитан резко, вместе с вампирскими клыками вбил жердеобразному в рот ствол автомата. И тут же дал короткую очередь.

– Никто этого не видел... – сказал капитан.

– Я не видел, – закричал второй раненый бандит, пытаясь то ли сесть, то ли перекатиться в кювет.

Одиночный выстрел раздался откуда-то сбоку. Этому второму в голову.

– Зачем? – спросил капитан тихо.

– Сдаст, и вас посадят, – ответил солдат и почесал толстым стволом «Винтореза» нос. Или запах выстрела пытался уловить. Я еще по срочной службе помню, был у нас во взводе такой – после каждой стрельбы ствол нюхал. Он от запаха сгоревшего пороха тащился. Может, и этот снайпер тащится. Запах сгоревшего пороха обычно много ассоциаций вызывает. Кто-то о

подвигах начинает думать, кто-то о собственной смерти. Но нюхание ствола снайперской винтовки ничуть не напоминало нюхание стволов кольтов, которое я видел в каком-то вестерне.

Капитан благодарно кивнул солдату. Он сам, похоже, не смог бы пристрелить второго. Лицо у капитана слишком простодушное, деревенское, словом. Такие не умеют быть жесткими до конца.

– Пархоменко! – крикнул капитан, словно из последних сил, и устало осмотрелся вокруг.

– Я, – вырос из-под земли подвижный, как суетливый щенок, младший сержант в полтора метра ростом. Это если вместе с кепкой. Автомат в его руках казался больше, чем он сам. Такие, как этот младший сержант, проходят по много боев неуязвимыми и оттого неунывающими. Попробуй-ка, попади в него – он за минуту десять мест сменит и на одиннадцатое перепрыгнет. Там выстрелит, там рожок в автомате сменит и в ближайшую яму тут же свалится.

– Возьми двоих и гони быстро на блокпост. Пусть свяжутся с пунктом управления. Сам доложишь обстановку. Ждем машины. И обязательно с прикрытием. Могут быть еще засады.

– Есть, товарищ капитан.

Пархоменко поправил «разгрузку» и тут же улетучился, словно сказочный джинн. И уже через пару минут я увидел его, быстро удаляющегося по дороге в сопровождении двух солдат.

Мы собрались своей группой, ожидая решения своей судьбы. Подошел хмурый капитан, перед этим выставивший посты. После расстрела вампира он вроде даже ростом ниже стал. Сел на придорожный камень.

– Выкладывайте, спасители, кто такие? Как вас сюда занесло в такой подходящий момент.

– Из плена... – отвечать за всех, как и положено, взялся сержант Львов. Лычки на его плечах опять чесались. Да и сам спрашивающий обращался именно к нему, как и положено в армии.

Капитан минуту молчал, раздумывая.

– Из плена, говоришь... Бежали, что ли?

Виктор замаялся. Теперь и «лычки» не помогали. Он, кажется, и не представлял, как объяснить ситуацию, потому что ситуация казалась ему чудом, а вовсе не работой профессионала.

– Не совсем так...

– Что, никак отпустили?

– Понимаете... – Сержанту не хватало слов, чтобы объяснить нетипичные обстоятельства.

Я пока не вмешивался.

– Не понимаю, – капитан с разговорного тона перешел на тон жесткого допроса. Таким образом, он, видимо, приходил в себя после нестандартной ситуации. Бой – это стандарт, это привычно и нормально. После боя не чувствуешь себя хреновее. Другое дело, расстрел. Даже если расстрелял палача. Это уже не стандарт, это – удар по нервам.

– Вот он нас освободил, – Виктор кивнул в мою сторону. – Выиграл...

Капитан посмотрел на меня, но последнее слово заставило его резко обернуться в сторону сержанта, потом – снова посмотреть на меня.

– Выиграл?

– В карты.

Я тихонько и грустно посмеивался. Мне и в меня никогда не верят. Я говорю, что выиграл, а мне говорят, что украл. С самого детства. Помню, мальчишкой еще выиграл во дворе целый карман мелочи у пацанов. Мы жили тогда вдвоем с матерью, жили – не знаю на что, потому что ее зарплаты учителя младших классов никогда на нормальную еду не хватало, не то что на какие-то покупки или одежду. И я честно принес свой законный выигрыш домой, не истратив на себя ни копейки. Хотел пополнить семейный бюджет. Естественно, мать не поверила мне, она решила, что я где-то украл эту мелочь, и долго плакала, уговаривала меня сознаться и хотела вместе со мной отнести эти деньги назад.

С той поры и началось – мне не верит никто, когда я говорю правду, и верят, когда я вру. С точностью до наоборот. И этот капитан – тоже.

– Ну-ну... Рассказывайте.

Сержант рассказал. Остальные подтверждали рассказ репликами и деталями. Они восхищались и удивлялись своему счастью, потому что угроза расстрела висела над ними реально. Я молчал, слушал и ждал вопросов.

– А майора-то как же оставили? – Это единственное, что задело капитана. Офицерская солидарность.

– А я его специально проиграл, – сказал вдруг я со злостью. Опять, как это иногда со мной бывает, как в тот раз, когда я этого майора в яме ударил, подкатило. Не сдержался.

– Не трекай... – насупился капитан. – Ладно, приедем, там вас допросят... Узнаем – кто кого и у кого выиграл.

Он отошел и что-то сказал паре своих солдат. Те сели неподалеку. Последний балбес догадается, что это не почетный караул. Полевой вариант «губы». До выяснения обстоятельств нашего освобождения. И взгляды у ребят смурные. Хотя, может, просто от боя не отошли еще. Не все же в армии дураки. А победа без последствий для психики только дуракам дается.

Капитана-то понять тоже можно. У боевиков много разных парней воюет. В наемниках может оказаться человек любой национальности, в том числе, к сожалению, и русский, какой-нибудь беглый солдат или просто преступник. Сейчас, когда сами бандиты прячут оружие и разбегаются до лучших времен по домам, выдают себя за беженцев и прочих несчастных – кто даст гарантию капитану, что мы не наемники, которые таким образом пытаются выбраться из окружения федеральных войск? Уже было несколько случаев, когда отряды бандитов из СНГ переодевались в нашу форму, подходили вплотную к блокпостам и расстреливали ребят. Правда, самих таких наемников бандиты, по окончании контракта, тоже, я слышал, расстреливали. Чтобы не расплачиваться и не тратить зря даже фальшивые баксы. Экономика должна быть экономной...

И нам сейчас потому полностью не верят.

Кто следующий в очереди на неверие?

– Хоть бы поесть чего дали... – проворчал один из парней нашей группы.

– В БМП загляни, – посоветовал я. – Там консервы хорошо разогрелись. Только язык не обожги.

Львов зло хохотнул.

Боевая машина пехоты осталась внизу. Огонь уже утих, но черный дым до сих пор поднимался к ночному небу. Все припасы патруля должны были сгореть в машине. Впрочем, от этого легче не стало. Мне-то еще можно терпеть. А другим тяжелее. Казалось, уже все, уже у своих. А пузо набить все равно нечем, кроме вражеских пуль. Да и стволы посматривают на тебя отнюдь не ласково. Словно забыли парни, что это я их спас от засады. Весь день только и занимаюсь, что спасаю. Сначала пленных, потом экипаж БМП. Медаль спасателя, если только не тяжелую, я получить согласен...

* * *

– А во что играли?

– В «храп».

– Втроем?

– Втроем.

Дым от крепких сигарет бил в нос. Сигареты из посылок, присланных российскими бабушками и школьниками солдатам. Коробки стоят здесь же, и каждый, кому надо, брал

оттуда пачку. А бесплатный дым всегда бывает гуще и злее, потому что курят бесплатные сигареты чаще – чего их экономить...

– Это какое же везение надо, чтобы так выиграть?.. Втроем без везения пропадешь.

– И умение, наверное, тоже надо.

– Да какое, к чертям собачьим, умение там может быть? Что я, в «храп» ни разу не играл... Это когда вся колода на руках – понимаю. Там, соображай, если голова есть, а втроем...

– Брежете что-то, ребята...

– Собака брешет...

В палатке натоплено, как в деревенской бане.

Я давно уже почувствовал, как краснеет от жары и дымной духоты лицо. По приказу капитана нам принесли консервы, потому что кухонные баки оказались вылизанными начисто, и мы за милую душу уплетали ножами кильку в томатном соусе. Жалко, запасы хлеба оказались невелики. Ключ от хлебобрезки увез с собой прапорщик, а его найти сразу не смогли – он пристроился под бочок к какой-то местной вдове и уезжал ночевать к ней домой. Там же, в хлебобрезке, содержался и запас тушенки, которой нам, к сожалению, тоже отведать не удалось.

А между тем мы продолжали отвечать на вопросы.

– А потом еще в «секу» играли, – вспомнил сержант Львов. Он в плену настрадался без курева и сейчас чередовал кильку с затяжками. Похоже, что он от этого тащится, как от выпивки. Так обычно и бывает, когда человек давно не курил. – Это уже в машине. С тем козлом, который нас отвозил до дороги... Полторы тысячи баксов выиграл.

Пришли военврач с медсестрой. В не очень чистых медицинских халатах. По нашу, как я понял, душу и тело. Встали в стороне, слушают разговоры. Ждут, когда килька благополучно махнет на прощание хвостом и уплывет из банок в наши желудки. И не торопят.

– Фальшивые... – сказал кто-то про выигранные баксы. – У кавказцев баксы всегда фальшивые. Настоящими они только арабским наемникам платят.

– Я разбираюсь... – резкой и категоричной фразой попытался я поднять свой авторитет, но мне опять-то не поверили, потому что слишком много разговоров шло о фальшивых кавказских баксах. Я эти разговоры еще на «гражданке» застал. Нас на работе предупреждали. И тогда же вынужденно я научился проводить экспертизу пальцами, на ощупь. Фальшивый доллар, могу похвастаться, по фактуре бумаги чувствую не хуже, чем крапленую карту. А там я промаха не дам. – Гарантия стопроцентная.

– А вы на картах гадать тоже умеете? – спросила медсестра. Лицо у нее было даже симпатичное под определенным ракурсом, но по голосу я бы принял ее за бригадира грузчиков, одновременно командующего и сидящими высоко-высоко крановщиками.

– Увы... Это не мой профиль.

– Жалко... – и неожиданно для человека с таким густым голосом покраснела не менее густо, посмотрев на военврача влюбленными коровьими глазами.

Под этим взглядом неожиданно покраснел и военврач, погоны которого под медицинским халатом я не увидел и потому не разобрал его звание. Он, должно быть, покраснел, как и я, от жары, но очень уж резко.

Ситуацию все присутствующие прочитали однозначно. Да они, похоже, и знали ее. В военном городке медсестер не так, надо полагать, и много. На всех солдат и офицеров не хватает. Кто-то уже наверняка пытался и к этой голосистой забраться под юбку. А место оказалось занятым. А информация о подобных вакансиях в армии распространяется быстро.

– Ладно, – военврач ловко вышел из положения. – Перекусили слегка, и хватит. После долгого голодания сильно наедаться не следует. Это даже опасно. Пошли в лазарет на осмотр. Все.

«Все» – это, естественно, недавние пленники, а не все население палатки.

Мы поднялись. Еда и жара разморили. Больше хотелось спать, чем идти куда-то.

– Может, мне-то не обязательно? – поинтересовался я. – Я не ранен, и в плену только с утра до вечера пробыл... Единственно – проголодался и не выспался...

– Обязательно, – отрезал военврач и посмотрел на меня, как волк на выбранную им овцу. Так не смотрят на случайного человека. Я этот взгляд не понял. И насторожился. С чего это я вдруг стал его законной добычей? А вдруг – не хочу?

Есть причина, по которой я у своих должен быть особенно насторожен при каждом излишне внимательном взгляде...

Вечером в военном лагере вообще мало ходят строем. А тем более люди на таком положении, как мы. И мы беспорядочно поволокли ноги за военврачом с медсестрой. Лазарет находился неподалеку. Точно такая же палатка. Даже несколько палаток. Единственное отличие от других – красные кресты на белом фоне.

– Сюда, по одному, – строго сказал военврач, когда подвел нас к палатке с надписью над входом: «Приемное отделение...» Вторая часть второго слова была оторвана. И ткнул при этом мне пальцем в грудь. – Ты – последний. Есть у меня к тебе разговор, картежник.

Интересно... Разговор... Да, надо быть настороже...

А взгляд у него тяжелый, обеспокоенный. Чем, интересно, я так ему не понравился? Но против танка, как говорится, даже с самым тяжелым колом не попрешь. Против офицера в военном городке – тоже. Это не яма для пленных на заднем дворе у бандитов, которая права нивелирует. И я уселся ждать с остальными, пока осмотр проходил сержант Львов. С ним долго не возились – не ранен, только ссадина над глазом. Вышел минут через десять. Пожал равнодушно плечами, но оказался не в силах сдержать радостную улыбку. Показал направление:

– На реабилитацию.

Он, как и другие, именно этого и ждал. За сержантом зашел солдат с простреленным плечом. В это время где-то в стороне посигналила машина. Скорее всего у шлагбаума. Требовательно так посигналила. Не иначе, начальство пожаловало, предупрежденное дежурным по части. Освобожденные пленные – это всегда праздник. Каждый командир захочет это записать в свой отчет и, чем черт не шутит, награду за наше освобождение получить. Кто будет разбираться в том, как все было в действительности, и кто там кого, и каким таким непонятным образом освобождал?

Подошла и моя очередь. Я шагнул за полог. Медсестра сидела за столом и заполняла журнал, а военврач при моем появлении встал, словно приветствовал старшего по званию.

– Ты, рядовой, случаем не родственник адмиралу Высоцкому?

– Не знаю, – ответил я раздраженно. Более раздраженно, чем это положено рядовому отвечать офицеру.

Этот сакраментальный вопрос начал мне уже надоедать. Но вместе с тем я понял, как пользоваться своей фамилией. Скажи я, что родственник – традиционно поверят, потому что я при этом совру, но начнут проверять. Мне такие проверки ни к чему. Скажи правду, что нет, скорее всего засомневаются. И правильно.

Но мне однозначность мало интересна. Из нее каши не сваришь, а если уж дал Бог фамилию, то следует ею пользоваться. Если я говорю, что не знаю – причем говорю излишне раздраженно, собеседники наверняка отнесут меня к самой ближней родне адмирала – почему-то скрывает солдат-контрактник родство. И получается, что я, не назвавшись «сыном лейтенанта Шмидта», все же становлюсь «сыном адмирала Шмидта». Однако кто знает, как и в какой ситуации это может быть полезно. Возможно, все же выручит когда-нибудь.

– Ладно. Осматривать тебя будем? Болит что-нибудь?

– Задница, – сказал я и посмотрел на медсестру.

Она опять покраснела и военврач вслед за ней. Они переглянулись. О сексуальных отклонениях кавказцев разговоров ходит не меньше, чем о фальшивых чеченских долларах. Но жертвы обычно предпочитают молчать.

Военврач кашлянул.

– За одно утро, как в плен взяли, раз десять, наверное, пнули... – пожаловался я.

– И всего-то? – врач поморщился.

Недоволен, что ли, – легко, с его точки зрения, я отделался?

А медсестра облегченно перевела дыхание. Ей не хотелось слушать разговоры на более щекотливые темы. Она стеснялась.

– На реабилитацию поедешь? – поинтересовался тем временем военврач. И я по голосу сразу и безоговорочно понял – ему что-то от меня надо. Здоровых на реабилитацию не отправляют. А этот сам только что выразил недовольство тем, что я здоров. И предложение об отправке на реабилитацию сильно смахивало на попытку сунуть мне в карман конверт со взяткой.

Покупает, зараза... Точно – покупает.

– Конечно... – с разбегу согласился я продаться.

– А теперь, рядовой, того...

Он замялся, как школьник, не выучивший урока и боящийся признаться в этом учителю.

– Чего?

– Того... Ты, говоришь, что доллары различать умеешь... А?..

– Умею.

– Посмотри.

И он, испуганно оглянувшись на плотно задернутый полог у входа, достал из-под стола толстенную пачку. Трудно предположить даже, откуда у военврача под столом такие деньги. Тысяч с полста на глаз. Должно быть, нашел в кармане какого-нибудь раненого боевика. История обычная. Солдат, когда врага ухлопает, обязательно в карман заглянет. Военврач, если операцию боевику проведет, примет подобные действия за оплату труда. А чего стесняться и таиться? Все так делают, но все делают втайне от чужих. И забывают, что – «*A la guerre comme a la guerre*»⁶, как говорят французы.

– Нет проблем...

Я взял пачку и стал перебирать банкноты, старательно не глядя на них, чтобы не мешать визуальным восприятием, поскольку опирался только на восприятие тактильное. Две выбрал, две вызвали сомнение. Остальные отложил отдельной кучей.

– Фальшивки.

Во взгляде военврача еще теплится надежда.

– Какие?

Я показал на большую кучу.

– Бумага не та. Две сотни – настоящие. Две – сомневаюсь. Надо на приборе проверять. А остальные – туалетная бумага стоит дороже... Потому что фактура качественнее, а затраты на производство выше.

Военврач побледнел, и теперь в глазах у него отразилось такое несчастье, словно ему предстояло перед тещей отчитываться за эти баксы. Вавилонская башня его надежд, как и положено ей, рухнула. Но в руках он себя держал, хотя и стал хуже владеть голосом.

– Ладно. Ты забудешь об этом, – военврач неуверенно убрал баксы в просторный карман халата. – А я признаю тебя больным. После реабилитации домой поедешь... А... Я забыл... – он заглянул в бумаги, разложенные на столе. – Ты же контрактник... Тогда поедешь в отпуск, а потом будешь где-нибудь в спокойном месте дослуживать. Тебе не надо немного?

⁶ «*A la guerre comme a la guerre*» (а ла гер ком а ла гер) – на войне, как на войне (франц.).

Он имел в виду, как я понял, часть фальшивок.

Проверяет, не трепанул ли я? Наивный мужичишко. С такими проверками в психодиспансере надо служить, а не в боевых частях. Психи, может, и попадутся.

– Нет, спасибо, я сам себе нарисую.

Он вздохнул.

– Ладно. Держи направление.

Я пожал плечами, потому что сильно сомневался в возможности и необходимости поехать домой. Но направление взял. Хоть какое-то утешение и надежду бумажка давала. Хотел уже отправиться отсыпаться, как мечтал до медосмотра долларов, но медсестра удержала меня движением большой, почти мужской руки. В эту руку автомат хорошо бы вложить. Будет смотреться вполне естественно. Вообще, женщины, как я слышал, стреляют лучше мужчин. За счет природной аккуратности и старательности. Меньше у них склонности к понятию «авось».

– А ты уверен в своей экспертизе? – спросила, сразу показывая, что деньги у них с военврачом, вероятно, общие.

Честно говоря, мне стало ее даже жалко. Должно быть, много надежд и она, и док вложили в эти фальшивые баксы. А теперь такая неприятность. Но, в самом деле, не станешь же обманывать ее из жалости, чтобы потом пришла она с этими бумажками в обменный пункт и угодила в лапы к ментам или фээсбэшникам.

– В таких делах я никогда не ошибаюсь.

Я опять сказал правду, но медсестра с сомнением покачала головой. Не верит до конца. Но это уже дело хозяйское. Я к неверию привык.

А за пологом палатки меня уже дожидались. Сержант Львов с солдатами куда-то исчезли. Появился новый кадр, присланный судьбой, как я понял, специально, чтобы не дать мне выспаться.

– Ты Высоцкий? – спросил красномордый капитан в расстегнутом бушлате. На улице печек не топят. Но отчего ему жарко – понятно. От капитана до внешних постов лагеря несет запахом местного ядреного самогона. Я, приученный на гражданской работе к более качественным напиткам, таким брезговал, но мои сослуживцы-планшетисты его уважали, когда отряд стоял еще на равнине и достать это пойло можно было свободно. Поговаривали, что гонят его из нефти, настоящей на коровьем дерьме, на самодельных нефтеперегонных установках. В одних емкостях с соляжкой. Чтобы отбить запах навоза. А запах соляжки переносится легче.

– Я. А где остальные?

Взгляд капитана не обещал приглашения к столу, из-за которого его только что, кажется, вытащили.

– Пойдем. Остальных уже допрашивают...

5

Дорожки между палаток утопанные, добротные.

Капитан провел меня через весь лагерь, прекрасно, видимо, в нем ориентируясь. Чеченский самогон оказался не настолько крепок, чтобы после его потребления заблудиться среди строгих одинаковых рядов. Впрочем, все, видимо, зависело от дозы, а капитан дозу скорее всего недобрал, иначе просто не нашел бы меня.

Обычно офицер идет впереди, показывая дорогу солдату, которого тащит с собой для выполнения задания. А этот шел сбоку и чуть ли не сзади, показывая дорогу. Создавалось впечатление, что ведут меня под конвоем. Я даже специально руки за спину убрал, чтобы совсем на заключенного походить. Показалось, что так смешнее. Люблю, признаюсь, повеселиться...

В палатке, куда привели меня, натоплено было еще сильнее, чем в первой, где от воздуха закипала в банках килька, и я снова почувствовал, как наливается краснотой лицо. У нас в горах так не отапливали даже штабные палатки – уголь за перевал для армейских нужд забрасывают вертолетами только время от времени, и каждый брикет на вес ракеты «Стингер».

За обыкновенным, как в солдатской столовой, столом сидел человек с погонами майора, разложив перед собой сразу несколько толстенных папок. Чуть сбоку лежала тоненькая папочка, которую он передвинул ближе, как только я шагнул за полог.

– Так я пошел? – спросил капитан.

– Только того... Не переусердствуй там... – посоветовал хозяин палатки.

– Ага... – заторопился капитан.

Самогон обладает теми же качествами, что и водка. Чем больше потребляешь, тем трезвее себя ощущаешь, и хочется выпить еще, чтобы перестать в конце-то концов быть безобразно трезвым.

Тяжелый полог палатки колыхнулся за стремительно вышедшим капитаном, от создавшегося ветерка качнулась лампочка, и по лицу майора, словно веснушки, забегали блики. Отчего оно показалось почти веселым.

Майор посмотрел на меня долгим изучающим взглядом. Похоже, он ждал, когда я отведу глаза. Не дождался. Наглости у меня хватит и на добрый десяток генералов, не говоря уже о майорах. С детства я умею людям в глаза смотреть.

– Садитесь. Старший следователь окружной военной прокуратуры майор Растопчин, – представился он. – Нам с вами предстоит много и долго разговаривать, и об очень важных для вас делах, поэтому попрошу сразу запомнить мою фамилию. Впрочем, иногда можете называть меня Андреем Васильевичем. Вы же недавно с «гражданки» и не успели еще заново привыкнуть к строгому обращению по званию. Так у нас, может быть, получится откровеннее...

Я сначала зевнул, показывая свое полусонное состояние, как герой показывает медаль на груди, потом кивнул следаку и сел на неудобный складной стул, продолжая рассматривать майора.

– Для начала познакомимся получше. Я хотел бы составить о вас мнение, прежде чем приступать непосредственно к допросу. Вам, если не ошибаюсь, двадцать шесть лет. Договор на контрактную службу подписали в военкомате по месту жительства. Добровольно попросились в спецназ ГРУ, и, конкретно, на Северный Кавказ. А срочную службу где проходили?

– В Новосибирске. В штабе округа.

– Понятно. А чем потом занимались?

– Учился в техническом университете.

– Закончили? – Майор удивленно поднял брови и заглянул в тонкую папочку.

– Нет. Отчислен за систематическое непосещение занятий.

– Что же вы так? – он осуждающе, но простодушно закачал коротко стриженной головой удивительно правильной круглой формы. Круглее бывает разве что только хорошо накачанный футбольный мяч. – Образование всем нужно. Государство столько средств вложило в обучение, а вы недоучились.

– Финансовые обстоятельства... – посетовал я многозначительно. – Отца я даже не знал, мать умерла, когда я учился на первом курсе. Кто меня будет кормить? Приходилось днем учиться, а по ночам работать. Это сложно. На третьем курсе я предпочел уже только работать.

– Да. Это, конечно, обстоятельства. И не мне вас осуждать, – он даже сочувствовать умеет. – Тут вот у меня записано, что до подписания контракта вы работали охранником в культурно-развлекательном центре. Лицензированный охранник. Честно говоря, это вызвало у меня некоторое удивление, как только я вас увидел. В моем представлении охранник должен выглядеть несколько иначе. Покрупнее, что ли...

Майора Растопчина, как и многих, смутил мой вес – около семидесяти килограммов, и рост – сто семьдесят шесть сантиметров. Да и интеллект есть в глазах, что у обычных вышибал – редкость. На роль обычного охранника по внешним данным майор Растопчин подходил больше, чем я.

– Я с раннего детства занимаюсь айкидо. С девяти, кажется, лет. И до подписания контракта тренировался систематически. Это, поверьте мне, серьезно. Правда, в последний год в соревнованиях не участвовал. Не до того было.

Он прокашлялся, хотел что-то спросить, но не стал. Постеснялся показать свою некомпетентность. Нечего стесняться, дорогой товарищ майор. Я уже привык к тому, что следует каждому любопытному олуху объяснять, что такое айкидо и чем оно отличается от карате. Иногда даже демонстрировать это различие самим каратистам. Они айкидо тоже не всегда адекватно воспринимают. И начинают воспринимать правильно только после того, как оказываются в лежачем и беспомощном положении после первой же своей атаки. Иногда это положение сопровождается острой болью, хотя вовсе не обязательно.

– Что вы охраняли в культурно-развлекательном центре? У вас же там много разных заведений должно быть, как я понимаю.

– У нас еще не успели закрыть казино, как в других городах. Предупреждаю, что я не в курсе, кто кому платил, чтобы казино не закрыли. Это вопрос не моей компетенции. Отвечаю только за свое дело. Я был охранником в казино.

– Да. Я именно потому и спрашиваю. Так в ваших документах и записано. И все же казино такое место, где охранник должен не просто охранять. Там же контингент посетителей... Многих он должен просто устрашать. И потому мне кажется, что вы не до конца откровенны. Как достаточно опытный следователь, я готов даже поспорить, что запись в трудовой книжке отражала только форму, но не суть вашей работы. Так?

Я усмехнулся. Следаку не откажешь в проницательности. Вычислил, зараза. А спорить мне с ним резона нет. Как бы не надумал запрашивать данные обо мне. Это может дать ищейкам след...

– Так, – согласился я. – Или почти так. У вас, товарищ майор, сложилось неправильное мнение об охране и о казино в целом. Должно быть, вы насмотрелись дурацких фильмов, в которых убитый злодей должен обязательно падать с большой высоты.

– При чем здесь большая высота?

Майора в детстве не научили понимать иносказательность. В юридических вузах этому не учат и интеллект там тоже не награждают за отличие в учебе. В военно-юридических, я думаю, – тем паче...

– Высота здесь ни при чем. Просто класс кинорежиссера определяется именно этим. Если убитый злодей падает с большой высоты, значит, режиссер откровенный дурак и способен мыслить только штампами. Точно так же с охраной. Если у охранника в фильме типичная

тупая морда и плечи не пролезают в дверной проем, то можно сразу расстреливать режиссера за профнепригодность. Понимаете, кто в жизни мыслит штампами, тот всегда остается в проигрыше, потому что он не понимает обязательную сложность даже самой примитивной натуры. Сложность и неоднозначность.

Я старательно пудрил ему мозги, толкая на сложный мыслительный процесс. Чтобы потерял свой покровительственный и нравоучительный тон. Не люблю, когда со мной так разговаривают.

– Это кино. А при чем здесь казино?

У него, кажется, отсутствует абстрактное мышление.

– Там, в казино, естественно, есть и такие охранники, которых вы сразу определите. Они стоят у дверей. Иначе говоря, вышибалы. Но существует и внутренняя охрана. Работа которой оплачивается вдвое выше, потому что она на порядок тоньше. Интеллигентнее и профессиональнее. Требует особого таланта.

Андрей Васильевич сильно заинтересовался. И даже широкой задницей поелозил по стулу. Мужик он, кажется, весьма любопытный. Следаку, да простят меня филологи, следует быть таким в интересах следствия.

– Для внутреннего охранника необходимо обладать какими-то особыми талантами?

– Обязательно, – я был категоричен, как судья.

– Какими?

– Вы в карты играете?

– Только в «дурака». Но давно уже не играл...

Ему сложнее объяснить ситуацию, чем, скажем, картежнику. Он мало что поймет. А от объяснения на пальцах толку, как в жару от пустого колодца.

– Внутренний охранник должен знать все карточные игры в совершенстве. Во много раз лучше, чем играющий за столом профессиональный крупье. И при этом быть великим артистом.

– Зачем?

Можно было бы и не читать следаку такую лекцию – не раскрывать тайны игорных домов, но мне уже терять было нечего и возвращаться некуда. Почему бы и не показать, что я в жизни тоже кое-что умею. Тем более что выполнял я свою работу с высоким качеством. За что меня все в нашем сложном коллективе уважали. А помимо всего прочего, это еще и каким-то образом оправдывает меня в деле, которое против меня «шьют».

– Мои функции были строго направленными. Я изображал из себя постоянного посетителя казино. Если за каким-то столом идет игра по-крупному, то я должен присматривать за этим столом. И вычислить шулера, если таковой имеется.

– Это сложно?

– Если бы это было не столь сложным делом, то шулеры никогда бы не выигрывали. Их мог бы разоблачить каждый. Как вы думаете, кто может разгадать фокусы иллюзиониста, выступающего на сцене?

– Кто? – В его вопросе было столько детского простодушия, что я и без майорского чисто-сердечного признания догадался бы, что он умеет играть лишь в «дурака».

– Только иллюзионист более высокого класса.

– Значит, вы были...

– Я был, грубо говоря, шулером более высокого класса. Если я видел, что человек играет не по правилам казино, а по своим, то обязан был вмешаться и отстоять финансовые интересы заведения. Иногда шулеры работают парами. В этом случае они обмениваются информацией с помощью «маяков». Мне положено было знать большинство общепринятых систем общения. У многих «маяки» собственного изобретения. В этом случае я, стоя за спиной человека и имея

возможность заглянуть ему в карты, должен как можно быстрее разгадать систему. А потом опять вмешаться...

Судя по сосредоточенной физиономии, он не очень понимал, о чем я говорю. И вообще плохо представлял, что такое казино и кто такие «каталы».

– Каким образом? Вы разоблачали нечестного игрока? И поднимали шум?

Ну не дурак ли?!

– Это не в интересах заведения. Зачем же отпугивать посетителей? Если распространится слух о шулерах, заведение потеряет клиентуру. Я включался в игру и обыгрывал шулера или шулеров своими методами.

– Интересно... Значит, вы шулер очень высокой квалификации.

– У нас в городе я был единственным специалистом своего уровня. В России есть еще несколько человек, которые могут сесть со мной за стол на равных. Но это было бы слишком интересно, чтобы стать правдой. Такую игру можно приравнять к финальной встрече чемпионата мира по футболу. И потому она никогда не состоится. Слишком большой был бы ажиотаж, а всех желающих зрителей негде было бы разместить. Понимаете, если устраивать такую встречу на стадионе, то зрителям ничего не будет видно...

Андрей Васильевич начал в раздумье постукивать карандашом по столу. В его излишне круглой голове мысли, должно быть, без проблем перекачиваются с одного места в другое и никак не могут остановиться на положенной им ячейке мозга. То есть не хочет он признавать за картежником возможность дара божьего. За музыкантом, певцом, даже за шахматистом, спортсменом – пожалуйста. Талант, и этим все сказано. А талант картежника кажется ему ложным. И мои последние высказывания следака раздражают. Но он собой владеет, и голос майора не меняется, разве что нотки язвительности появляются. Это напрасно. Язвительные люди страдают язвой желудка. Это давно уже отмечено медицинской психологией. Читал недавно в журнале про такую науку.

– Интересно... Интересно... Вот вижу, что врете, а так интересно врете, что просто слушать приятно. Вам бы в писатели пойти. Крутые детективные романы писать. Получится. Я уверен.

И этот из той же оперы... Опять меня записывают в трепачи, не удосужившись узнать правду. Более того, правду, которую я уже неоднократно доказывал. Которую только сегодня доказал освобождением пленных. Беда просто с этим майором. А еще голова у следака такая круглая и внешне почти умная!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.